

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ ЭРИДЫ

ЦИТИАНКА

18+

Цитианка Цитианка

Ледяное сердце эриды

Серия «Хладные тени», книга 1

<https://litres.ru/73759404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла: "Хладные тени"

Когда-то эриды служили королям. Они забирали у людей страх, гнев и боль, удерживая мир от хаоса. Власть держалась не на эмоциях а на холодном расчёте, который эриды помогали сохранить. Но Золотой век закончился. Союз распался, доверие было утрачено, и те, кто когда-то стоял за спинами правителей, бежали за границы человеческих государств. Теперь, чтобы выжить, эриды вынуждены охотиться на людей и питаться их эмоциями — иначе их тела покрываются инеем и медленно замерзают.

Селина — одна из них.

Одна неудачная охота приводит её в плен к человеку — принцу Каину, наследнику вражеского государства. Вместо немедленной казни он решает использовать её в своей политической игре. Но чем дольше принц наблюдает за ней, тем сильнее в нём растёт опасное любопытство, а за ним и отчаянное желание растопить её ледяное сердце.

Содержание

Эпиграф	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	67
Глава 6	87
Глава 7	90
Глава 8	100
Глава 9	115
Глава 10	121
Глава 11	131
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Ледяное сердце эриды

Эпиграф

Говорят, были времена, когда эриды стояли за спинами королей. Нас называли хладными тенями и усмирителями чувств, теми, кто умел заглушить любой страх или панику.

Эридов приглашали к королевским детям, чтобы вытравить из них те эмоции, что делали будущих правителей слабыми. В ночи, когда трон дрожал от сомнений, наши руки касались висков монарха, убирая все лишнее: жалость, зависть, вину. Власть держалась не на эмоциях, а на холодном расчете, который мы помогали сохранить.

Все считали, что сами эриды не умеют чувствовать, как люди. Для нас будто не существовало любви, жалости и раскаяния. Ни один правитель не видел наших слез, пока однажды все не изменилось. В день, когда погиб последний король, слеза эриды упала на его холодное тело, и вместе с этой слезой исчезло все прежнее доверие.

С тех пор на нас больше не надевают серебряных колец в знак уважения – теперь только кандалы и охотничьи петли.

Из хроник Золотого Века

Неизвестный автор

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА

Хладные Тени

A decorative border of blue snowflakes and evergreen branches frames the title 'Хладные Тени'.

Глава 1

В этом лесу нет чудовищ. Есть только голодные и те, кто еще не понял, что их ищут.

– Селина! – звонкий голос Эссы вопит мне прямо в ухо.
– Они идут! Надо уходить!

Я не отвечаю, только сильнее сжимаю человеческое горло, впитывая мужской страх с холодной жадой. Мне мало, иней еще не полностью растаял внутри.

Знаю, что если сейчас не получу этот страх, то тело начнет сковывать холод – лед поползет по костям, стянет кожу на руках и проступит инеем на пальцах. Еще немного и доберется к шее, под скулы, к глазам, делая фиолетовые зрачки почти прозрачными. Волосы и без того белые станут совсем бесцветными.

Такова моя природа и мой эридский голод, ведь я не человек, хотя и внешне похожа. У меня такие же руки, такие же кости и кровь, я могу говорить и дышать. Только сердце у меня не бьется и живу я за счет энергии человеческих эмоций и чувств. От этого люди придумывают про нас сказки, будто мы злые духи, что бродят по ночам в лесу, называют нас бессердечными. Но если бы они только знали, как отчаянно мне сейчас хочется почувствовать что-то теплое, впитать эту дрожащую волну страха и наконец снова стать

собой.

Травник дергается, но сил уже почти нет, только глаза бьют, то на меня, то в сторону леса, где сквозь туман пробивается рассвет.

– Хватит, – Эсса резко хватается меня за плечо, отдергивая мою ладонь от мужского горла. – Ты его высушишь! Люди уже рядом! Ты что, не слышишь?!

Я моргаю, связь с жертвой рвется. В этот же момент слышу свист, мимо лица проносится стрела, почти задевая кожу потоком воздуха.

– Уходим! – Эсса уже тянет меня за собой, но я вырываюсь и быстро оборачиваюсь, чтобы понять, откуда исходит опасность.

Уйти? И не посмотреть в глаза тем, кто ловит таких, как я? Почему-то внутри всегда поднимается странное упрямство, когда дело доходит до страха. Слышу приближающийся стук копыт. В воздухе надвигается запах железа, кожи и острого мужского раздражения. Веларрон. Даже сквозь утренний сумрак вижу их черную форму, развевающиеся плащи, нагрудники с гербом дракона.

Я пытаюсь разглядеть лица всадников сквозь серую утреннюю дымку, но Эсса перехватывает мой рукав и тянет за собой вглубь леса, туда, где меж зарослей угадывается старая кабанья тропа.

– Да чтоб я еще раз вышла с тобой в такую рань в этот проклятый лес! – Эсса ругается, почти выкрикивает, не огляды-

ваясь. – Все нормальные эриды спят, а мы тут по кустам ползаем! Теперь еще и люди на хвосте...

Она яростно взмахивает рукой, все еще волоча меня за рукав кожаной брони, будто считает, что я вырвусь и побегу в одиночку на охотников с ножом наперевес.

– Ага, спят, – рычу ей в спину, уворачиваясь от ветки. – Сама бы не ломанулась первой, если бы не была такой же голодной, как я. Смотри на себя – еще немного, и с инея на твоём лице можно будет соскребать крошки.

Эсса только бросает злой взгляд поверх плеча, но не отвечает и не сбавляя темп ведет меня все глубже, по каким-то своим тропам.

Я почти спотыкаюсь, ловлю себя на мысли, что, если бы не новый указ Верховного, я бы охотилась сегодня одна, как и тысячи раз до этого. Выискивать людей вдвоем всегда казалось глупостью, но теперь правила изменились и в этом лесу стало опасно даже для охотников, потому что кто-то начал охотиться уже на нас. Меня раздражает все это, ведь если бы Эсса молчала, веларронцы нас бы и не заметили. Но ей, конечно, обязательно надо было ругаться на весь лес.

Я бегу за ней, мышцы в теле звенят от внезапной резкости. Всадники мелькают между деревьями, их крики рвутся за спиной:

– Вон они!

– Не дай уйти!

Слышу, как их лошади сшибают молодые деревья. Один

из всадников на мгновение теряет равновесие, копыта лошади шумно лязгают по корням, но он удерживается и уже стреляет нам вслед. Вторая стрела едва задевает косу Эссы и с силой вонзается в ствол дерева прямо у нас на пути.

– Левее! Не дай им пройти к мосту!

Я уже вижу этот мост, он натянут через быструю речку. Веревки обросли мхом, доски скользкие под ногами, все держится шатко, но другого пути нет. Ненавижу воду, ненавижу речку и этот проклятый мост, но это единственный путь.

Запрыгиваю на него, доски трещат, прогибаются под моим весом. Очередная стрела свистит за спиной и вдруг жжет мне руку, царапая кожу выше локтя. Острая боль заставляет меня крепче вцепиться в трос, чтобы не упасть. Эсса оказывается рядом, хватая меня за талию и почти несет через мост, подхватывая каждый раз, когда я оступаюсь на скользких досках. Мы делаем еще несколько шагов и, наконец, оказываемся на другой стороне. Под ногами наконец ощущается твердая земля, в ушах гудит кровь, а позади слышится шум воды.

– Идем! Надо бежать! – Эсса хватая меня за плечо и тянет дальше, но я вырываюсь, и, почти не контролируя себя, оборачиваюсь.

Двое всадников уже остановились у самого края обрыва. Сквозь туман пробиваются первые лучи солнца, они ложатся на них полосами, блестят на доспехах и отражаются в металле. Лошади тяжело дышат. Гнедая вскидывает голову, чер-

ная бьет копытом по траве.

Я втягиваю воздух, позволяя их эмоциям пройти сквозь себя. Сразу чувствую злость и раздражение, которое исходит от того, кто сидит на гнедой. Он держит в руках лук, и именно этот человек стрелял в нас, и теперь напряженно ждет, не отпуская тетиву, готовый снова выстрелить, если понадобится.

Второй стоит ближе к краю. У него каштановые, растрепанные ветром волосы, лицо, почти неподвижное. Я пытаюсь почувствовать его эмоции, но натываюсь на пустоту. Ни гнева, ни ненависти, ни злости. Там ничего нет, я просто врезаюсь в стену. Он смотрит прямо мне в глаза, не отводя взгляда и мне кажется, что он видит меня насквозь даже через туман.

Эсса хватает меня за руку и резко дергает. Слышу ее настойчивый голос, но не разбираю слов. Даже когда она тащит меня дальше в лес, я все еще ощущаю на себе мужской взгляд. Он преследует меня, не отпуская, даже на расстоянии.

Только когда запах сырого мха перебивает это ощущение, мне удастся выдохнуть. Но внутри появляется новое чувство – впервые я встретила человека, чьи эмоции для меня закрыты.

Глава 2

Мох под ногами сменяется камнями, воздух становится холоднее. Шум реки за спиной постепенно стихает, только в ушах еще отдаются удары копыт и эхо криков, словно нас все еще преследуют. Я останавливаюсь, прижимаюсь спиной к старой сосне, стараясь выровнять дыхание и не дать себе ослабнуть. Поднимаю руку, смотрю на кровь, которая стекает по рукаву и размазывается по запястью.

Из кустов выходит Эсса. Пояс на ее зеленой тунике перекосялся, волосы выбились из косы, к щеке налипла ветка, она смахивает ее коротким движением, подходя ближе и хмурится, ожидая от меня объяснения.

– И что это было, Селина?

– Ты о чем? – делаю вид, что не понимаю, хотя прекрасно знаю, что она имеет в виду.

– Ты едва не осушила того травника! – голос у нее напряженный, она резко отходит на шаг, стараясь сохранять спокойствие. – Ты забыла, что бывает, если взять слишком много? Ты же знаешь, что нам нельзя...

– ...вытягивать эмоции полностью, – перебиваю я ее, не поворачиваясь.

Я чувствую, как голос начинает предательски дрожать, но стараюсь взять себя в руки. Объяснять Эссе – все равно что говорить с камнем. Она никогда не замечала, что мне прихо-

дится собирать больше, чтобы этот ледяной ком внутри хоть немного растаял. Но есть еще причина, которую я не могу озвучить вслух. Мне нужно, чтобы хватило не только для себя и я всегда стараюсь взять больше, чем нужно лично мне.

Разворачиваюсь и иду дальше. За спиной сразу слышу, как хрустят ветки, Эсса идет следом и быстро догоняет меня.

– А всадники? – бросает она мне в спину. – Я уже думала, что ты бросишься на них с ножом, в следующий раз хотя бы предупреди, если собираешься рваться в бой.

– Я не собиралась рваться в бой, – отвечаю спокойно и сбавляю шаг, чтобы она не подумала, что я убегая от разговора. – Хотела посмотреть, кто нас ловит. Разве тебе самой не было интересно?

– Интересно? Может быть. Но у меня сейчас нет лишних жизней, чтобы проверять, кто там за нами пришел. Ты хоть понимаешь, что если бы они нас догнали, то никого бы не интересовало, зачем ты пялилась на них?

– Ты слишком громкая, Эсса или тебя так веларронцы взбодрили? – я оборачиваюсь, поднимая брови. – Может, пойдем в тишине? Хватит разговоров.

– Не могу! Ты-то хоть немного насытилась, а я?

Мысленно усмехаюсь. Голод делает эту эриду разговорчивой – редкое, странное явление.

– Ты же собиралась спать, – говорю нарочито небрежно. – После полудня сходишь с Ривеном, он будет рад твоей компании.

Она смотрит на меня с таким недоумением, словно я предложила ей прыгнуть в ледяное озеро Луциора.

– С Ривеном? Вот уж спасибо, – Эсса резко выдыхает и вдруг замечает мою руку. Кровь все еще стекает по запястью. – Тебе надо к Лаэру. Он вылечит, даже шрама не останется.

Я смотрю на кровь, потом на Эссу, чувствуя, как раздражение снова поднимается, перемешиваясь с остатками голода.

– Это просто царапина, сама перевяжу.

– Ага, просто царапина. Поэтому у тебя уже весь рукав в крови? Или думаешь, эриды бессмертны, если иней внутри? Не спорь, Селина. Я не хочу потом объяснять Верховному, почему из-за твоей гордости он потерял свою драгоценную охотницу.

Я не отвечаю, потому что Эсса права. Мы, эриды, не бессмертны, как бы люди нас ни описывали в своих легендах. У нас есть сердце, просто оно не бьется – оно холодное и затянута инеем. Сколько бы я ни впитывала людских эмоций, оно не становится теплее. Но кровь у меня настоящая, густая и темная. Вместо пульса ее гоняет по телу имфирион – поток энергии, который я впитываю из человеческих чувств. Без имфириона тело медленно замерзает изнутри, покрывается инеем. Не самая приятная участь. Уж лучше умереть от стрелы или меча, чем окоченеть заживо.

Мы наконец выходим из леса. Первое, что я вижу – небо. Здесь оно всегда кажется ниже, чем где-либо: тяжелое и

плотное, как будто сама гора, под которой стоит Луциор, держит облака за горло.

Город притаился у подножия огромного Гранного Пика. Дома сливаются со скалой, повторяя ее линию, солнечные лучи скользят по стенам и на камнях вспыхивает слабый, неуловимый блеск инея. Это знак нашего рода, холодный отпечаток того, что здесь живут эриды. В расщелине между скал, стекает водопад. Вода скользит по камню почти беззвучно и исчезает в глубине озера, кромка которого даже летом разбита льдинами.

Дом Лаэра стоит немного в стороне от остальных, ближе к скалам и подальше от тренировочной арены. Перед входом на перекладине сохнут травы, синий мох и связки сушеных корней.

Я толкаю дверь плечом, пропуская Эссу вперед. Внутри прохладно и сумрачно. На стенах деревянные полки, уставленные банками и глиняными горшками. Под потолком висят пучки листьев, стоят плоски с порошками и маленькие сосуды с синими отметками. В углу стоит низкая кушетка, застеленная шерстяным пледом. Все чисто, но видно, что здесь главное порядок и быстрый доступ к снадобьям, а не уют.

Эсса сразу идет к столу, за которым сидит Лаэр, наш лекарь. Он высокий, очень худой даже для эридов, с длинными руками. Волосы собраны в узел, несколько прядей выбились на лоб. На нем простая серая рубаха, рукава закатаны, паль-

цы тонкие, в потертостях от работы с травами. Лаэр скоблит засохшую кору лезвием, смотрит лениво и насмешливо. Иногда кажется, что он дышит этими настоями и сам стал наполовину лекарством.

– Не думал, что вы вернетесь до полудня, – он бросает взгляд на мою руку. – Охотники?

– Ты бы хоть раз сделал вид, что удивлен, – бросает Эсса, глядя на него. Она опускает капюшон, и я вижу, что ей важно, заметит ли Лаэр ее голод.

– Удивляться? – он улыбается, задерживая лезвие в руке. – Если бы я не знал, что вы умудряетесь нарываться на неприятности даже там, где их нет, давно бы перестал держать этот дом открытым.

Эсса закатывает глаза. Слишком демонстративно, чтобы я поверила, будто она действительно недовольна, но достаточно резко, чтобы у Лаэра дрогнуло веко. Иногда я думаю, если бы нам можно было питаться имфирионом друг друга, Эсса могла бы кормить половину нашего воинского отряда только своим раздражением.

– Сколько смотрю на тебя, – вдруг говорит Эсса, опираясь на спинку стула, – ты все время в своей аптечке пропадаешь. Ты что, питаешься эмоциями своих трав? Скоро прорастешь корнями к этому полу.

– У растений нет имфириона, но знаете, я сделал очень любопытное открытие. – Он кладет лезвие на край стола и касается указательным пальцем обожженного пятна на доске. – Артерра. Помните, я рассказывал про нее?

Артерра. Серебристая трава, которая растет только ночью, ее тонкие ростки тянутся к лунному свету и сгорают под

первыми лучами солнца. Лаэр не раз просил собрать ее по пути с ночной охоты. Если не успеть к восходу солнца от нее останется только пепел.

– Так вот... Я взял свежие ростки, поджег их ради любопытства. Хотел проверить, как дым действует на настой, ничего не ждал особенного. И знаете, что произошло?

Он делает паузу, ожидая, пока мы с Эссой приготовимся слушать. Я непроизвольно переношу вес на носки, следя за его руками на столе. Внутри появляется почти забытое ощущение любопытства.

– Ну? – Эсса наклоняется вперед. – Что же произошло?

– Я едва не сдох!

Он не шутит. Улыбка исчезает, пальцы сжимаются в кулак.

– Этот дым – едкий, как жгучая зола. Он буквально сожрал весь мой имфирион за пару минут. Если бы у меня не было фриала с запасом... я бы не дотянул до ближайшей охоты.

В комнате становится тихо. Я ловлю взгляд Эссы и понимаю, что она оценила серьезность ситуации. Внутри меня отзывается холод, тот самый, который чувствую, когда голодна.

– Не приближайтесь к артерре во время рассвета, – добавляет Лаэр уже спокойно. – И никогда не вдыхайте дым. В последнее время этой травы стало слишком много, раньше ее почти не встречалось. Теперь она растет везде, как сорняк.

– Главное, чтобы люди не узнали, насколько этот дым опа-

сен для нас, – говорю я, переводя взгляд на то самое пятно на доске. – Если они поймут, что для нас это яд, начнут жечь артерру у нас под носом.

– Ладно, хватит разговоров, – резко перебивает Эсса. – С артеррой все ясно, если кто-то еще раз притащит ее в Луциор, я лично закопаю его на берегу озера. Но если Селина не ляжет на твой стол прямо сейчас, она просто свалится на твой драгоценный пол. Ее рукав уже насквозь промок, если ты не заметил.

Лаэр наконец откладывает лезвие, смотрит на Эссу, потом задерживает взгляд на мне дольше, чем обычно, прикидывая, сколько у меня еще есть времени, прежде чем я действительно свалюсь на его пол.

– Давай, Лаэр, удиви меня своим отваром, – говорю, наблюдая, как он уже достает из-под стола перевязочную сумку. – Только не начинай читать мне лекции о дисциплине и о том, как беречь здоровье рода. Я уже все это слышала. Просто делай свое дело.

Он смотрит прямо, не моргая, в этот раз даже не улыбается. Морщит лоб, достает новую флягу с настоем, открывает ее аккуратно, будто собирается вылить на меня яд.

– Не буду читать лекций. Просто промою, перевяжу и запишу еще одну глупость в твой личный список.

– Ну наконец-то, – выдыхает Эсса с такой показной облегченностью, что мне хочется бросить ей что-нибудь вслед. – Все. Передаю нашу воительницу в твои руки, а мне надо

доложить Верховному, что мы вернулись. Ох уж эти новые правила пар... Если завтра снова придется идти с тобой, я не выдержу твоей ранней бодрости, Селина. И эта артерра...

Смотрю, как она быстро исчезает за дверью. Понимаю, что сегодня она осталась голодной. Ее очереди не было. Я просто отмечаю это для себя, ни вины, ни сочувствия не испытываю – не умею.

Я оборачиваюсь к Лаэру. Он спокойно встает, как эрид, для которого не существует ни спешки, ни опасности – только этот дом, этот момент и моя кровь, все еще пропитывающая воздух.

– Это были не просто охотники, – произношу ровно. – Велларронские всадники.

– Я не стану спрашивать, зачем ты опять зашла так далеко на территорию людей, Селина. Потому что у меня есть подозрение, что причина в твоей дурной привычке проверять границы.

– Не надо драматизировать, – бросаю ему взгляд исподлобья и сажусь на скамью. – Мы не заходили далеко. Это люди сами подбираются все ближе к нашим границам. Скоро травники Велларрона начнут копать прямо у наших скал, если мы ничего не предпримем.

Он ждет, пока я расстегиваю ремешок, ощущая, как ноет плечо. Наплечник с глухим стуком падает на стол, и я, скрипя зубами, подтягиваю рукав выше, открывая воспаленную кожу.

Лаэр касается раны, и по телу пробегает озноб.

– Глубже, чем казалось, – отмечает он. – Но даже с этим ты могла бы справиться сама. Я же учил. Собираешь концентрацию имфириона, направляешь ее в рану, и кожа затягивается. Не все эриды умеют так лечиться, но у тебя есть к этому способности. Или ты решила сегодня устроить мне утро практики?

– Не хочу тратить то, что в последнее время и так едва добывается. Не каждый раз возвращаюсь с охоты с достаточным запасом. А еще у нас есть ты.

Лаэр тихо вздыхает, быстро и уверенно выливает настойку на ткань, и берет мою руку своими длинными, пахнущими травами пальцами. Жжение от лекарства острое, кожа сразу стягивается.

– Ты, конечно, молодец, что считаешь меня универсальным способом латать ваши дыры, но тебе все равно придется научиться расходовать то, что есть. В какой-то момент ты можешь дотянуться до той грани, за которой и я уже ничем не помогу. Ни настойкой, ни своими навыками.

Лаэр наконец заканчивает с обработкой раны, и туго наматывает лоскут вокруг руки.

– Жить будешь, – добавляет он и отходит, оценивая результат. – Хотя для полного эффекта лучше было бы все-таки потратить каплю имфириона. Ты упрямая, Селина, иногда до глупости.

– Может, и глупая, но решать, на что тратить свое, я все

же буду сама.

В ответ Лаэр только коротко дергает губами, явно намереваясь что-то добавить, но передумывает. Он возвращается к столу, начинает перебирать склянки. Я поднимаюсь, выпрямляя плечи, с края стола беру наплечник, ловко просовываю руку в ремень и застегиваю пряжку. Не прощаясь, просто киваю Лаэру и выхожу из дома.

На улице меня сразу встречает резкий свет, холодный воздух и глухой стук моих шагов по камню. Двери домов закрыты, в переулках мелькают редкие силуэты, над крышами медленно стелется пар. Утро только начинается, но даже сейчас, несмотря на боль в руке, меня больше всего беспокоит не рана. Я никак не могу избавиться от ощущения того мужского взгляда, который до сих пор стоит в памяти.

Всадник. Я не смогла почувствовать от него ни презрения, ни злости, вообще ничего. Всю жизнь я привыкла читать людей, ощущать их страх, тревогу, все эти чувства всегда были рядом и наполняли меня теплом. Но от того всадника не веяло ничем. Передо мной стоял не человек, а стена, и эта стена смотрела на меня дольше, чем я на нее.

На повороте к внутреннему двору тишина улицы быстро сменяется глухими ударами металла о металл. На тренировочной площадке, в круге, нарисованном мелом, двое сражаются на клинках. Я сразу узнаю этот ритм: шаг, выпад, короткое скольжение стали по воздуху.

Сначала замечаю Орвина – он старший воин и наш настав-

ник. По нему нельзя понять, сколько ему лет, ведь у эридов возраст не отражается на лице, наше тело не изнашивается как у людей, холод бережет и замедляет старение. Орвин высокий, широкоплечий, слегка хромает на правую ногу. Лицо вытянутое, скулы жесткие, волосы собраны в небрежный хвост. Движения у него точные, всегда выверенные.

Против него – Ривен, он молодой и выше ростом. Волосы у него короче, чем у других эридов, но даже так упрямо лезут в глаза, и он то и дело отбрасывает их назад. В его технике сражения больше порывистости, нет Орвиновской точности, зато есть напор, если не получилось обойти, то пробьет в лоб, если пропустил удар – никогда не отступит, только настойчивее пойдет в ответ.

Они идут друг на друга, шаг за шагом. Мечи сталкиваются, звон разносится по всей площадке. Ривен снова и снова пытается перехитрить наставника, но Орвин сбивает его ритм, парируя все выпады.

Я подхожу ближе. Орвин первым замечает меня.

– Ты слишком рано вернулась с охоты, Селина. Что с рукой?

Он продолжает отбивать выпады ученика, но я знаю, что все его внимание теперь на мне.

– Веларронские всадники. Один из них оказался слишком метким, – отвечаю коротко. Если бы спросил кто-то другой, я бы просто отмахнулась, но перед наставником проще сказать правду, чем притворяться неуязвимой.

– Больно? – спрашивает Ривен, не отвлекаясь от сражения.

– Нет такой боли, которую я бы не выдержала, – спокойно отвечаю, наблюдая, как их клинки сталкиваются, железо скользит по железу, воздух вибрирует от коротких ударов.

Мне было шесть лет, когда родители решили, что из меня нужно готовить не собирательницу трав, не портниху и даже не мастерицу, как многих девочек в Луциоре. Меня определили в стражницы. Может быть, слишком рано, но среди эридов не спрашивают, кем ты хочешь стать. В те времена казалось, что каждый второй ребенок учится владеть клинком, и только самые тихие оставались прислуживать лекарям, да кожницам, помогая чистить шкуры.

Орвин готовил из нас особый отряд эридов, именуемый стражами. Мы следим за границей, не даем людям подходить слишком близко. Так же мы ищем и отмечаем на карте места, где растут ягоды, травы и грибы, ведь именно там чаще всего появляются люди. Изучаем тропы, планируем, где они могут собирать добычу или устроить привал, фиксируем их костры, места охоты. Потом эти карты передаются другим охотникам, чтобы никто не искал людей впустую. Каждый новый выход становится частью общей работы. Мы собираем знания, делимся ими, делаем так, чтобы лес оставался под контролем эридов.

Наблюдаю, как Ривен снова пытается прорваться через защиту наставника. Он действует напористо, старается взять

силой, но Орвин не подпускает, встречая каждое его движение. Еще шаг, разворот, замах и меч ученика летит в сторону.

Ривен переводит дыхание, бросая взгляд на меня и ухмыляется.

– Раз ты так хорошо справляешься с болью, бери клинок, Селина, – поддеригает он меня, поднимая меч. – Покажи, что для тебя важнее, победить или пожалеть свою руку.

Он едва заметно улыбается краем губ, не издевательски, а скорее с азартом. Он хочет увидеть, приму ли я вызов, который он бросает мне не впервые.

Я беру меч со стойки, чувствуя, как холодное лезвие привычно ложится в ладонь.

– Только не ломайте друг другу кости, – Орвин бросает это небрежно, но в голосе чувствую напряжение. – В остальном никаких правил. Покажи ей, Ривен, что ты не всегда решаешь все лбом. А ты, Селина, попробуй хоть раз не считать его предсказуемым.

Я крепче сжимаю рукоять меча. Ривен всегда умел бросить вызов так, что он цепляет за гордость, за старую привычку доказывать, что я могу держаться дольше всех, и за ту часть меня, которая всегда слишком остро реагирует на любой вызов.

Парирую его первый резкий удар, ощущая, как боль с хрустом расходится до плеча. Ривен давит, сближает дистанцию, снова и снова пытаюсь загнать меня к краю круга, но я сколь-

жу по линии, уходя в сторону.

– Не боишься потерять руку, Селина? – бросает Ривен на ходу, не столько с насмешкой, сколько проверяя не отступлю ли.

Я усмехаюсь, держа меч на весу.

– Ты забыл, что у меня их две.

Он сдвигает брови, наваливаясь корпусом и давя клинком на мой меч.

– Упрямая, – откликается он. – Ты и правда решила, что с одной рукой сможешь драться наравне? Я не собираюсь уступить только потому, что ты ранена.

Я иду на сближение и перехватываю инициативу. Сталь встречается со сталью, острие его меча скользит по моей защите, я едва успеваю блокировать следующий выпад. Замечаю, как Орвин наблюдает за нами с легким прищуром, не вмешиваясь, просто отмечает для себя скорость и угол наших ударов.

– Кстати, теперь на охоту ты ходишь со мной, – заявляет Ривен.

– Что? Почему вдруг?

Он ухмыляется, ловя мой выпад на крестовину меча.

– Эсса подходила. Жаловалась, что из-за тебя осталась без... как там у людей называется... – он на секунду задумывается, сбивается, не пропуская мой быстрый удар, – без завтрака. Точно. Без завтрака. Говорила, что ты оставила ее без добычи, и без сил.

Эсса... усмехаюсь про себя. Эта эрида решила бросить свою напарницу по охоте. Но Ривен? Сколько себя помню мы с детства соперничаем во всем и теперь еще охотиться с ним в паре?

– Ты всерьез думаешь, что ты единственный вариант для меня? – спрашиваю, не отпуская меч.

– С тобой все боятся ходить, Селина. Говорят, ты слишком холодная даже для эриды, а я ценю наши правила. В беде никого не оставляю и тебя не брошу. К тому же, это решение Орвина.

– Орвин решил? – уточняю, сразу отбивая его боковой удар.

– Не веришь? Он прямо так и сказал: «Значит, Селина будет ходить в паре с Ривеном». Мне приказал идти с тобой. Значит, будем делить и добычу и ошибки на двоих.

– Ты последний, с кем я бы захотела делить охоту. Ты слишком шумный, слишком предсказуемый. Даже Орвин, чтобы он ни твердил, не смог бы назвать тебя неожиданностью.

– Вот и нет, Селина, – наставник подходит ближе к кругу, скрещивая руки на груди, и лениво прищуриваясь. – Если бы Ривен был настолько предсказуем, как ты думаешь, он давно бы лежал у твоих ног. А теперь оба! Хватит друг другу зубы показывать, учитесь держать линию. В паре, значит в паре. Не нравится – жалуйтесь Верховному. А пока на площадке слушаете меня.

Ривен перехватывает рукоять меча крепче, вставая ко мне вполоборота.

– Тогда давай сделаем вид, что работаем вместе. Кто проиграет, тот чистит арсенал неделю. Без перчаток.

– Тогда готовься снимать перчатки, Ривен. Я не собираюсь проигрывать.

В этот момент на арену выходит Эсса. Она быстро смотрит на меня острым взглядом, но почти сразу переводит его на Ривена, оценивая, кто из нас сейчас опаснее.

– Ну? – спрашиваю коротко, не скрывая усталости. – Что случилось?

– У меня новость от Верховного.

Я сразу хмурюсь, потому, что внутри все напрягается при упоминании этого эрида.

– Если ты сейчас начнешь говорить про новые правила Эзара Дарра...

– Именно об этом и собираюсь сказать, – спокойно перебивает она, смотря мне прямо в глаза. – С завтрашнего дня каждый должен собирать часть имфириона во фриалы. Это касается всех, особенно стражей, с вас двойной объем. Все понимают, у вас больше шанс не сдохнуть.

Я смотрю на нее, не отвечаю, только чувствую, как внутри поднимается холодное негодование. Первым реагирует Ривен, то ли усмехается, то ли фыркает зло.

– Отлично. Как будто мы и так не ходим голодные, а теперь еще и должны кого-то кормить? Почему сразу двойной

объем со стражей? Мы и так чаще всех бываем в Запредельном лесу, рискуем больше остальных, теперь еще и город питать?

– Думаете, я в восторге? – резко парирует Эсса, разводя руками. – Я не знаю зачем это. Может, Верховный решил, что кто-то собирает больше, чем положено, или хочет создать запас. Меня в такие планы не посвящают. Просто передаю, как есть, а если захотите возмущаться, вы знаете, что будет.

Она замолкает, бросая взгляд через плечо, словно проверяет, не подслушивает ли кто-то.

– Можете высказать все лично, если хватит смелости. Верховный собирает Совет, и вы оба там будете. Так что готовьте свои вопросы, – заканчивает она с усталым раздражением, поправляя ремень на талии.

Внутри у меня все опускается, холод разливается под кожей. Ривен только скалится, взгляд становится еще жестче.

– Совет... Конечно. Снова слушать, как нам объясняют, что делиться наш долг. У меня уже все тело звенит от долга.

– Вам не положено обсуждать действия Верховного, – твердо пресекает Орвин. – Ваша задача – слушать приказ. С завтрашнего дня делитесь добычей.

В Луциоре долг всегда на первом месте. Так заведено, спорить с этим бессмысленно. У эридов нет той эмоциональной связи, как у людей, которая делает нас сплоченными, поэтому придумали строгие правила, контроль и обязательства,

которые нельзя обойти. Все решает Верховный и его Совет – старшие рода, те, кто принимают решения для общего будущего. Без этих законов мы давно бы стали одиночками, охотились бы поодиночке, исчезали бы по одному, и люди уже бы истребили нас до последнего.

Это чувство долга вбивают с детства, что нельзя нарушать правила, если не хочешь, чтобы из-за тебя пострадал весь род. Для эридов нет ничего страшнее, чем подвести своих, не потому что ты им дорог, а потому что твоя ошибка станет общей проблемой.

Я отбрасываю эти мысли, возвращаясь к бою. Клинок, шаг, атака. Злость уходит в движение. Делаю шаг в сторону, Ривен кидается мимо меня, и, не давая ему опомниться, со всей силы бью ему локтем между лопатками. Раненая рука вспыхивает болью, но я просто сжимаю зубы и довожу удар до конца. Ривен не ожидая такого, теряет равновесие, падает на колени, рука с мечом уходит вниз. Я сразу подхожу ближе и прижимаю клинок к его шее.

– Арсенал твой на неделю, – выдыхаю почти шепотом, чтобы слышал только он. Не убираю меч, пока он сам не расслабляет плечи и не опускает голову, признавая поражение.

Я отступаю, кладу клинок на стойку, рука ноет, ладонь дрожит после удара. Коротко киваю Орвину и разворачиваюсь к выходу. Не хочу ни слушать, ни говорить с ними, сейчас мне нужна только тишина.

Выхожу из узкого переуллка на широкую улицу, сразу вижу

школу, она низкая, сложена из серого камня, никаких украшений, только серебристая эмблема белой совы над входом бросается в глаза. У двери уже собираются юные эриды, на всех одинаковые бурые плащи, волосы выбелены, лица спокойные, глаза немного темнее, чем у взрослых, но в них уже появляется осторожный интерес. Замедляю шаг, наблюдая за тем, как кто-то тянет руку к учителю, кто-то щурится от солнечного света, кто-то прижимает к груди фриал, который все носят на длинной кожаной ленте через плечо. Эти пузатые колбы, их единственный запас, собранный родителями, до тех пор, пока не научатся добывать имфирион самостоятельно. Им еще не разрешено охотиться, но их уже учат, как выискивать людей, как поглощать их эмоции, как вовремя останавливаться в момент Аль-риена, и не терять контроль.

Проскальзываю мимо кузницы, минуя последние дома, поднимаюсь по узкой тропе между скал. Ветер крепчает, камни под ногами становятся круче. Через несколько минут я уже на вершине. Склон уходит вниз почти отвесно, дальше раскинулось озеро. Вода темно-бирюзовая, спокойная, ледяные плиты дрейфуют у берега, охраняя границу между этим миром и тем, что скрыто под водой. По краям озера крутые склоны, покрытые густой растительностью, выше – голый камень и пятна снега.

Я стою на месте, позволяя ветру пробираться меня до костей. Здесь, наверху, все кажется проще. Нет ни городских звуков, ни звона мечей, только шум воды и треск сталкива-

ющегося льда.

Каждый, кто стоял здесь до меня, знал, зачем пришел. Никто не спрашивал, не спорил, ведь с этим не спорят. Казнь для эридов не просто наказание, это ритуал, который вбивается в страхе с самого детства. Нарушишь долг, предашь род, пойдешь против Верховного – окажешься на этой скале, босиком, под взглядами всего Луциора. Без слов тебя столкнут в ледяную воду, и ты полетишь вниз, грудью разбивая поверхность озера. Вода не держит нас. Лед внутри тянет ко дну, не дает всплыть.

Имена тех, кого сбрасывают сюда, не вписывают в Книгу Памяти. Для эридов отсутствие имени в этой книге равносильно тому, как если бы тебя вычеркнули из рода с позором. Никто не хочет быть униженным подобным образом.

Я смотрю на льдины. Даже сейчас, летом, они не тают. Их много. Ксть большие, есть совсем маленькие, стертые временем. Каждый раз, когда здесь появляется новая льдина, она дрейфует у берега, встает среди других и больше не исчезает, словно напоминая, что будет с теми, кто осмелится нарушить долг и поставить себя выше Верховного.

Глава 3

В Обители Луциора, что возвышается над скалой, всегда холоднее, чем на улице. Здесь большой, круглый зал с высоким сводчатым потолком, его стены покрыты толстым ледяным слоем, будто зал дышит тем же воздухом, что и сердце каждого из нас. В центре стоит круглый стол из серого камня, тяжелый, отполированный до блеска.

Во главе стола возвышается Эзар Дарр. Верховный сидит, не опираясь на спинку трона. У него длинные, прямые волосы, они блестят и ровно ложатся на плечи. Лицо вытянутое, черты острые, губы плотно сжаты. На нем только белое: камзол без гербов, плащ без вышивки, ни одной цветной нити, никаких символов, кроме него самого. Его власть и есть его знак.

Советники сидят полукругом, облаченные в белоснежные мантии.

Среди них – Сейра. Лицо у нее спокойное, черты мягкие, взгляд цепкий. Объемная коса венчает голову, подчеркивая правильность ее движений. Она Хранительница имен, ведет Книгу Памяти, куда вписывают достойных павших, и записывает летопись рода. Перед ней всегда лежит большая книга, перо с острым срезом и чернильница.

Дальше по кругу – Халем с волнистыми волосами, обрамляющими мягкие черты лица. Он отвечает за разведку, следит, чтобы Луциор знал все о мире людей. У Халема есть свои наблюдатели среди эридов, они пробираются в человеческие города, собирают новости, изучают их быт, привычки, слабости. Все, что они находят, Халем приносит сюда, к этому столу.

Справа от трона сидит Реваль, командующий стражами Грани. Он крупнее большинства эридов, у него широкие плечи, резкие черты, угловатый подбородок. Реваль отвечает за патрули и порядок на границах Луциора. Всю информацию из леса, что мы приносим, Орвин передает ему.

Я вхожу в зал одной из первых. Рядом проходит Орвин, его плечо едва касается моего, за ним идут остальные стражи Грани. Среди них и Ривен, его присутствие ощущаю еще до того, как он появляется, этот эрид всегда двигается с лишним шумом, будто проверяет, кто выдержит его присутствие,

а кто дрогнет.

Когда все рассаживаются, Эзар Дарр выпрямляется, с ладони на колени.

– Сегодня Совет обсуждает новый порядок, – объявляет он, оглядывая зал так, оценивая каждого по отдельности. – С сегодняшнего дня каждый эрид, выходящий в Запредельный лес, отдает часть имфириона во фриалы. Времена меняются, угрозы растут. Мы больше не можем жить по старым законам, когда каждый заботился только о себе. Теперь наш долг – собирать запасы, чтобы род выжил. Это касается всех без исключения.

Я ловлю взгляды соседей. Ривен скалится, кто-то вздыхает, но никто не возражает вслух.

– Мое решение не обсуждается, – продолжает Верховный. – Нарушения будут караться. Все, что вы приносите с охоты, делится. Все, что удастся собрать, хранится под защитой. Сейчас время выживать вместе, или не выжить вовсе.

– Вчера вечером из Элмора прибыл один из моих наблюдателей, – Халем наклоняется вперед, говоря спокойно. – Принес вот это. – Он достает из внутреннего кармана сложенный лист, аккуратно раскладывает его перед Верховным. На листе неясные линии, словно нарисованные наспех углем.

– Люди называют это кораблем, – поясняет Халем, проводя длинным пальцем по рисунку. – Они строят такие, чтобы переправляться по реке Хорн, собирают людей со всех городов к северу от Элмора. Работают быстро, не жалеют ни дре-

весины, ни рабочих. Наблюдатели видели уже три таких корабля. Люди собираются использовать реку для перемещений между городами, чтобы не попадаться нам на глаза. Если раньше мы отслеживали их по тропам, теперь придется стеречь берега.

В зале проходит сдержанный гул. Люди постоянно что-то придумывают, используют страх, чтобы строить дороги, плотины, лестницы. Новые человеческие изобретения всегда приносят нам только проблемы.

– Выходит, что все идет к тому, чего мы опасались, – Реваль подается вперед, опирается на стол обеими ладонями. – Если люди перенесут часть путей на реку, то в Запредельном лесу их станет меньше. Значит, нам будет труднее добывать имфирион.

– Они не оставят Запредельный лес, – добавляет Сейра, не поднимая головы от Книги. Перо скребет по странице резче обычного. – Лес кормит их, дает древесину, ягоды, травы, дичь – все, что им нужно. Люди не откажутся от леса, даже если у них появится река.

– Тем не менее, – Реваль переводит взгляд с нее на Халема, потом на Верховного, – это сильно сократит их количество. Люди будут реже попадаться нам. Меньше добычи – больше голода.

Я слушаю и быстро прокручиваю все в голове. Если людей в лесу станет меньше, охота для нас превратится в игру на выживание. Кто сегодня встретил человека, тот выжил, кто

нет, тот будет ждать следующей возможности с холодом под кожей.

– Жечь их корабли, – Ривен откидывается на спинку скамьи, усмехается, белоснежные зубы резко выделяются в тени. – Что тут думать? Пусть собирают дерево, тратят силы, а мы все сожжем. Один раз сгорит – десять раз подумают, стоит ли снова соваться в реку.

– Ты хочешь войны, – возражает Халем, не отрывая пальцев от рисунка. – Поджог кораблей, это открытый удар. Люди не оставят его без ответа.

– Они уже начали войну, – Ривен подается вперед, улыбка исчезает, в голосе становится больше тяжести. – Строят лодки, перетаскивают оружие, людей, свои законы. Думаете, они остановятся на кораблях? Нет. Сначала захватят берега, потом мосты, потом построят стены. Если ждать, они придут к нам сами.

– Никто не тронет человеческие корабли, – пресекает Верховный, не повышая голос, но я чувствую в его тоне предупреждение. – Это не обсуждается. Мы не устраиваем ловушек, не жжем их постройки, не убиваем без причины. Я запрещаю любые провокации. Кто ослушается – сам ответит за последствия.

Он не смотрит на Ривена специально, просто переводит взгляд по залу, на каждого по очереди, медленно, давая всем понять, что все услышано. В зале становится совсем тихо. Слышу, как перо Сейры снова скребет по странице. Она за-

писывает решение в Свод.

Совет продолжает обсуждать детали. Кто и как будет следить за сбором, сколько фриалов выделить каждому охотнику, что делать, если кто-то вернется без добычи. Голоса звучат мягко, обсуждение спокойное, но под этой поверхностью напряжение только нарастает.

– Селина, – вдруг тихо обращается ко мне Сейра, вытягивая меня из мыслей, – расскажи, что именно произошло с тобой и твоей парой на вчерашней охоте. Совет должен понимать, насколько опасны сейчас вылазки в Запредельный лес.

Внутри мысленно цокаю языком. Вот и началось. Какой смысл превращать каждый выход в лес в публичный разбор? Может, еще и записи начнут вести, кто когда питался и сколько имфириона забрал с собой? Бросаю взгляд на Орвина. Лицо у него закрытое, но по тому, как он поджал губы и отвел взгляд, понимаю, что это он сообщил Совету, чтобы все знали, что его воины ничего не скрывают.

– Вчера мы с Эссой вышли на охоту до рассвета, – спокойно рассказываю, не позволяя голосу дрогнуть. – Все шло по обычному маршруту, пока в лесу не встретили человека. Один из травников Веларрона собирал артерру. Я насытилась, не до предела, просто взяла столько, сколько было нужно. Как положено.

Я делаю короткую паузу. Замечаю, что кто-то из молодых стражей наклоняется ближе. Наверняка сам еще не сталки-

вался с настоящей погоней.

– На нас вышли двое всадников из Веларрона, – продолжаю. – Я узнала их по гербу с драконом и плащам. Они действовали слаженно, охотились не на зверей, а на нас. Мы ушли через подвесной мост. Меня задела стрела, но серьезных ран не было. Преследование не продолжалось, всадники остановились у самой границы.

Я замолкаю, даю словам осесть. Сейра кивает и что-то записывает в свою Книгу, остальные советники перешептываются. Эзар Дарр откидывается на спинку, скрещивает руки, его взгляд задерживается на мне.

– Это меняет порядок охоты, – говорит он. – Реваль, подготовь новые маршруты. Больше никто из охотников не выходит в Запредельный лес в одиночку. Только парами. Никаких самостоятельных вылазок.

– Может, сначала выясним, зачем они это делают? – предлагает Реваль. – Люди ведь не всегда нападали на нас, раньше избегали встречи. Что изменилось?

Он смотрит на Халема, явно ожидая ответ от того, кто лучше всех знает о людях.

– Им надоело, что мы нападаем и берем свое без спроса. Разве это не очевидно? – вставляет Орвин, делает паузу, собирает взгляды на себе. – Люди больше не хотят быть дичью, на которую охотятся. Теперь отвечают силой на силу.

– Но мы ведь не осушаем их, – откликается один из стражей. – Никто не забирает у людей весь имфирион. Каждый

эрид знает, когда остановиться во время Аль-риен.

В зале кто-то негромко переговаривается. Всем ясно, что эту тему не любят обсуждать вслух. Вспоминаю то, что нам объясняли наставницы на первых охотах. Ксли забрать у жертвы все эмоции, не остановиться вовремя в момент Аль-риена, то человек станет безмолвной тенью, не способной не то чтобы чувствовать, даже слово произнести. Они называли это «осушением». Каждый раз, когда ловишь эмоцию и чувствуешь, как имфирион разливается по венам, внутри щелкает инстинкт – взять еще, дотянуться глубже, выкачать все до последней капли. Но у каждого эрида свой предел, и нас учат чувствовать его. Если выпитать больше, чем можешь, имфирион разрывает сосуды, кровь идет из глаз и рта, а потом наступает смерть. Но есть и те, кто верит, что если пережить предел и не погибнуть от избытка имфириона, можно пробудиться. То есть раскрыть в себе новые способности в управлении имфирионом. И это не просто про лечение ран, навык который может развить в себе любой эрид. А совсем другое, нечто опасное. Власть усиливать чувства других, управлять эмоциями, иногда даже вытягивать имфирион на расстоянии или подчинять своей воле.

Я ни разу не слышала, чтобы кто-то признавался в этом открыто. Да и кто решится? Полное осушение – граница, которую запрещено переступать не только из-за правил, но и из-за страха. Совет не прощает такие ошибки и если кто-то нарушит запрет, его сбросят в ледяное озеро в назидание

другим. Имя такого не внесут в Книгу Памяти.

– Запредельный лес всегда был общим, – бросает Реваль, расправляя плечи. – Четыре государства граничат с ним, каждый брал свое. Сотни лет мы питались эмоциями людей в этих лесах, они боялись, не нападали, чтобы не навлечь проклятие. Теперь в их глазах мы не духи, а охотники. Они учатся считать наши шаги, изучают маршруты. Если так и дальше пойдет, они принесут в лес больше железа, чем у нас есть клинков.

– А если попробовать проникнуть в Веларрон? – предлагает Халем. – Я могу отправить туда своих наблюдателей тайно. Они выяснят, что происходит, услышат разговоры, поймут, куда пропадают эриды, которые не вернулись с охоты. Может, причина не в лесу, а в самом городе.

– Селина Эйвен ясно сказала, – Реваль наклоняется вперед. – Всадники остановились за мостом, они не перешли на нашу территорию. Они показали, что могут преследовать, но не готовы идти дальше. Может, это предупреждение, а может проверка. Но если мы сами пересечем черту, тогда нарушителями станем уже мы.

– Я запретил посещать их государство, – твердо останавливает Эзар Дарр. – Никто из нас не должен проникать в Веларрон без моего разрешения. Наблюдать в Запредельном лесу можно. Переходить границу нельзя. Запомните это, прежде чем решите действовать.

Я задерживаю взгляд на Верховном. Из всех государств,

что окружают Запредельный лес, только Веларрон всегда умел держать границу так, что ни один из наших, даже самый опытный, не мог пересечь ее незаметно. Иногда кажется, что у веларронцев особое чутье на нас. Они не терпят чужаков. Если кто и исчезал навсегда, чаще всего это случалось, как раз возле Веларрона.

Воздух в зале становится тяжелее. Советники переглядываются, кто-то шепчет Верховному, кто-то просто сжимает пальцы, будто каждый про себя считает, сколько еще можно терпеть эту холодную войну за каждую тропу в лесу.

Сейра вдруг замирает, взгляд цепляется за Эзара Дарра, рука с пером зависает над страницей.

– Есть еще одна вещь... – произносит она осторожно. – Может быть, им нужно то, о чем давно никто не говорил вслух. Возможно то, что скрывают старые сказания о наших... слезах.

В зале на секунду становится по-настоящему тихо. Чувствую, как все разом смотрят на нее, кто-то с раздражением, кто-то с опаской. Ривен резко выпрямляется, собираясь возразить, но сдерживается. Орвин отводит взгляд, а Реваль морщит лоб, явно недовольный тем, что разговор уходит в сторону легенд.

– Довольно. Мы не обсуждаем мифы, – отрезает Верховный. – Старые сказания и страхи не должны управлять нашими решениями. Если люди ищут то, что давно забыто, это их проблема и их жадность. Наша задача не повторять ошиб-

ки прошлого. С этого дня никто не упоминает о слезах вне этого круга. Ни в рассказах, ни в предупреждениях. Любой, кто нарушит это правило, будет отвечать передо мной. Если у людей есть новые намерения – узнаем, если хотят войны – мы ответим. Но не будем больше подкармливать старые ужасы.

Он задерживает взгляд на каждом из нас, ясно давая понять, что слово «слеза» здесь, как заклинание, которое может разрушить весь порядок.

– Часть добытого имфириона собирается во фриалы, – подводит итог Верховный, складывая руки перед собой. – Охота только парами, никакой самовольной добычи. Границу Веларрона не пересекать без моего разрешения.

– Если кто-то не вернется с охоты, – негромко добавляет Сейра, не поднимая глаз, – его имя будет вписано в Книгу Памяти.

Она аккуратно поправляет страницы, возвращаясь к своей обычной работе.

– Совет окончен, – заключает Верховный, плавно вставая с трона. Советники поднимаются за ним, кто-то кивает, кто-то напряженно сжимает мантию у горла. Все расходятся молча, у каждого на плечах появляется новая тяжесть.

– Селина. Останься, – голос Эзара доносится мне в спину. Я останавливаюсь у выхода, плечи цепенеют. Зал быстро пустеет. Кто-то выходит сразу, кто-то задерживается у двери, обсуждая что-то вполголоса. Скрипят шаги, створки закры-

ваются.

Верховный не торопится начинать разговор. Он складывает руки за спиной, медленно обходит стол, останавливается у высокого окна, за которым видно ледяное озеро, скрытое между скалами.

– Знаешь, – произносит он, почти мягко, – я помню, как впервые увидел тебя здесь. Ты была совсем маленькой. Стояла у стены, сжав кулаки, готовая ударить любого, кто попробует подойти ближе. Уже тогда ты была слишком смелой и упрямой, не отступала и не пряталась.

– Я помню. Тогда ты сказал, что с этого дня будешь решать все за меня, раз моих родителей больше нет.

– Именно так я и сказал, – отвечает он. – И с того дня я делал все, чтобы твоя смелость не стала безрассудством, а упрямство – слабостью. Я учил тебя выбирать, где это может послужить роду, а где сломать.

Мысленно усмехаюсь. Выбирать? Нет, Эзар. Ты никогда не давал мне настоящего выбора. С девяти лет воспитывал не ребенка и не охотницу, а свою ручную волчицу, которой можно управлять во имя «блага рода». Он говорит о выборе, а внутри у меня нарастает раздражение. Кто бы мне его дал, этот выбор. Все, что мне позволено – подчиняться, исполнять, не задавать вопросов. Он всегда повторяет, что у эридов нет свободы, есть только долг и те, кто этим долгом распоряжается.

Верховный плавно разворачивается от окна, и смотрит

прямо на меня. Его взгляд становится тяжелым, будто он взвешивает мою позу, ту самую упрямую прямоту, с которой я стою перед ним.

– Быть Верховным, Селина, – продолжает он, – значит брать на себя груз, который не делишь ни с кем, даже с самыми близкими. Иногда приходится принимать решения, которые нельзя озвучить даже перед собой. Но эти решения всегда принимаются во благо рода, никогда ради личной прихоти, даже если окружающим кажется иначе.

– Во благо рода, – повторяю я, стараясь не отводить взгляд, но внутри все время звучит немой вопрос: во благо кого именно? Себя? Меня? Нас всех?

Эзар не спешит говорить дальше. Просто изучает меня, как смотрят на ледяную трещину. Не знаешь, когда подлomitся, но понимаешь, если это случится, треск будет слышен по всему Луциору.

– Ты знаешь, что я имею в виду, Селина. То, что ты сделала, останется между нами. Не для Свода событий. Не для Совета. Не для тех, кто придет после. Это не подвиг, не ошибка, не месть. Это – долг. И только так это должно называться.

Он подходит ближе, меняет угол, чтобы видеть мое лицо под другим светом.

– Я хочу быть уверен, что ты все еще понимаешь это. И что не поддашься соблазну превратить прошлое в оружие против того, кто дал тебе будущее.

Внутри поднимается знакомый холод. Вот оно что, Эзар...

Сначала отдаешь приказы, прячась за долгом, а теперь опасешься, что этот долг обернется против тебя. Тебе нужно, чтобы я держала это в себе. Но кому я скажу? Кому признаюсь? Стоит мне раскрыть рот и меня сбросят в ледяное озеро.

Эзар ждет ответа, не отводит взгляда.

– Я все поняла, – говорю тихо. – Все, что было, останется между нами. Как ты и велел.

Он смотрит внимательно, долго молчит, решая, верить мне или нет. Потом слегка кивает, принимая решение.

– Ты всегда знала границы. Продолжай знать их и дальше. И не давай повода усомниться в моей правоте, сегодня у тебя есть еще одно дело.

Дело. Еще одно дело, как он это называет. Нас осталось так мало, что каждую потерю чувствуешь особенно остро. Вижу по его глазам, что у него нет сомнений, Эзар считает это необходимым. Да, я страж, я охотница, я умею держать лицо. Но внутри все равно каждый раз цепенею, когда понимаю, что речь о казни. Он ведь и сам все прекрасно понимает, этот свой долг перекладывает на меня. Сам никогда не подходит к краю, не смотрит в глаза тем, кого сбрасывают вниз. Для него все заканчивается приказом. Чистые руки, ровная спина, холодная выдержка – вот и весь его долг. Мой же – выйти на ледяной выступ, посмотреть в затылок тому, кого уже никто не спасет, и сделать то, что не хочется помнить даже во сне. Вот мой долг.

Глава 4

Шаги Ривена слышны за спиной сильнее, чем запах мха и прелых еловых иголок. Он ломает ветки, будто специально оставляет следы. Был здесь, не скрывался, не боялся. Я иду впереди, немного в стороне от тропы, держась в гуще ветвей, но даже здесь его тяжелые шаги отдаются в земле. Птицы замирают на миг, потом снова перекликаются где-то наверху, а Ривен, кажется, только громче дышит, и мне кажется, что делает он то нарочно.

– Ты когда-нибудь пробовал идти тише? – бросаю через плечо. Руку держу на ремне, чтобы не поддаться привычке схватиться за нож. – У нас все-таки охота, а не сбор хвороста.

– Может, я просто хочу, чтобы они боялись сильнее? Чем больше страха, тем сытнее для тебя, разве нет?

Осматриваюсь по сторонам и мимолетно ловлю, как свет играет на его лице: взгляд хитрый, плечи расправлены шире обычного – ему явно важно, чтобы его заметили все.

– Ах, да, – добавляет он, сдерживая улыбку. – Я все время забываю, что насытиться можно не только страхом. По словам Эйдана, мы слишком зациклены на людской панике.

Я замедляю шаг, пропуская острый изгиб ветки. Эйдан один из тех, кто бывает в человеческих городах чаще, чем в Луциоре. Он носит короткие волосы не из-за удобства в бою, а потому что так делают все наблюдатели Халема. Ни длин-

ных прядей, ни привычной одежды, только глубокий капюшон, чтобы не выделяться среди людей. Цвет глаз скрывает отваром Лаэра, чтобы радужка стала темнее, почти как у людей. В толпе его не замечают, а он видит все.

Эйдан каждый раз возвращается с записками, слухами, иногда с тонкими листами пергамента, на которых он срисовывает уличные вывески, разные механизмы, детали их оружия, печи, даже систему подачи и подогрева воды. Помню, как однажды принес схему умывальника с кранами, которые подают воду без ведра. Но больше всего Эйдан любит рассказывать об эмоциях. Не о тех, что мы ловим здесь. Не о страхе, не о панике, не о ненависти. Он описывает совсем другие чувства. Сдержанная нежность, когда старик протягивает руку ребенку. Тоска у мужчины, который каждый день приходит на мост и стоит там в одиночестве. Смущение, когда парень не может посмотреть в глаза девушке, улыбается и не знает, почему. Простая радость у детей, которые гоняются друг за другом, с липкими от меда пальцами.

– Смешно, Ривен. Если хочешь, попробуй насытиться восторгом или скукой, только заранее предупреждай, когда начнешь, мне бы хотелось на это посмотреть.

– Ты бы посмотрела? – он замедляет шаг, всматриваясь в меня. – А если мне понравится? Если я не смогу остановиться и вытяну из человека все, до последней эмоции? Сделаю его безмолвным?

Останавливаюсь у массивного корня, оглядываюсь. Он

стоит немного в стороне, держа руки в карманах, и смотря на меня упрямым взглядом.

– Если вытянешь все, тебя в Совете будут разбирать дольше, чем у тебя хватит терпения оправдываться.

– Ты говоришь, как будто никто из нас никогда не рисковал. Ни разу не тянул больше, чем положено. Не верю. У всех есть предел, но иногда его хочется проверить. Ты сама... хоть раз брала у человека больше, чем следовало?

В голове вспыхивает чужой взгляд. Помню тот вкус, слишком острый, и слишком сильный. Кровь вытекала из глаз, кожа леденела, в венах взрывался иней. Тогда казалось, что еще миг, и я напитаюсь по-настоящему. Но вместо насыщения пришла тяжесть, жар в грудной клетке обратился в еще больший холод, и возникло сильное желание вырвать все это изнутри.

Моргаю.

– Нет, – отвечаю ровно. – Никогда.

Ускоряюсь, петляю между стволами, вглядываюсь в мох, стараясь ловить не только звук, но и остатки того, что здесь было. Эмоции, следы, примятый мох.

– Только не забывай, теперь нам надо не просто насытиться, – бросаю через плечо, – имфирион собирать во фриалы, иначе Орвин с нас шкуру снимет.

Ривен хмыкает, касаясь ладонью сумки на поясе в которой тихо звякает стекло.

Слышу впереди легкий хруст, мелькает тень между ство-

лами. Улавливаю острый запах с примесью железа и костяники. Выглядываю из-за дерева и вижу двоих охотников в протертой одежде. Первый высокий, с напряженными плечами, его пальцы уже тянутся к луку на плече. Второй держится позади, настороженно оглядываясь, и сжимая в руке короткий топор.

– Тут тихо... – шепчет второй, поворачиваясь к спутнику.
– Слишком тихо, Савел.

– Не трусь, просто идем, – бурчит первый. – До поляны недалеко.

Я делаю знак Ривену быть тише. Он сразу ловит ритм и становится осторожнее. Жду, когда люди подойдут ближе и резко выхожу из тени. Первый сразу выхватывает нож, пытается ткнуть мне в горло. Я перехватываю его руку, выкручиваю запястье, так что он вскрикивает.

– Пусти! Кто ты вообще?!

Нож выскальзывает из его ладони и падает в траву. Второй парень делает шаг, замахиваясь топором, но Ривен сбивает его с ног, и прижимает коленом грудную клетку.

– Эй! Отвали, чудовище! – вырывается у парня, он хрипит, когда Ривен хватается за шею. – Не убивайте... прошу!

Первый бросается на меня, замахивается кулаком, но я отталкиваю его ногой в ствол ели. Слышу хруст, когда воздух выбивается из его легких. Тут же оказываюсь рядом, хватаю одной рукой за ворот, второй сжимаю горло. Ловлю взгляд – он замирает, и уже больше не может сопротивляться.

На пару секунд мы застываем во времени. Мы оба держим своих людей, оба впитываем их чувства. Раздражение, паника, всплески боли, внутренний протест.

Человек после Аль-риена все равно способен бояться, просто страх становится слабее, притупляется на какое-то время. Обычно когда, все заканчивается, люди бросаются прочь, не оглядываясь, или стоят в оцепенении, не в состоянии сразу понять, что с ними произошло. Я уже много раз видела такие лица, поэтому не задумываюсь об этом сейчас, мне нужно только насытиться.

Отпускаю раньше, чем хочу. Глаза у первого мутнеют, он медленно оседает по стволу ели, скользя вниз в мох.

Бросаю взгляд на Ривена, его рука все еще давит на шею второго охотника.

– Не увлекайся, – холодно предупреждаю.

Он сжимает зубы и нехотя разжимает пальцы. Парень под ним резко глотает воздух, его грудная клетка вздымается рывками. Он не пытается встать, просто отползает на локтях, боясь снова оказаться под его рукой.

– Уходите, – коротко приказываю. – Живы остались, считайте повезло.

Они не ждут повторения. Один спотыкаясь бросается прочь с тропы, второй бредет за ним, не разбирая дороги. Лес быстро скрывает их силуэты, и шум в кустах затихает.

Достаю фриал из сумки. Колба холодная, прозрачное стекло переливается на свету. Подношу ее к губам, втягиваю

воздух, собираю имфирион, потом выдыхаю его в длинное, узкое горлышко, и пузырек наполняется серебристым облаком. Холодный туман вливается внутрь, ползет по стенкам и оседает на дне.

Ривен наблюдает за мной, повторяя движение, крепче сжимая стекло в ладони. Смотрю, как внутри фриала колыхнется слабое свечение – уже не чистое чувство, а его отголосок, пригодный для хранения.

– А это даже интересно, знаешь. – Ривен смотрит на фриал, взвешивая его в ладони. – Не думал, что собирать имфирион вот так... может быть почти увлекательно.

Я убираю колбу обратно в сумку, скользя взглядом по лицу Ривена. Сейчас в его глазах не азарт, а обычная сосредоточенность, какая бывает у него только на тренировках. Обычно он упрямый, раздраженный, а сейчас внимательно оценивает каждое действие.

– Посмотрим, что ты скажешь после десятого фриала, – говорю, откидывая сумку за спину. – Веселых к этому моменту обычно мало остается.

Ривен усмехается, не сводя с меня взгляда.

– А знаешь, я тут подумал... Может, мы зря столько сил тратим на охоту. Имфирион можно усилить и без этого, есть же другой способ.

Он смотрит внимательно, слегка прищурившись, словно ждет, что я пойму намек. И я прекрасно понимаю к чему он клонит. О близости у нас почти не говорят, и это никогда не

про чувства. Только, как способ пережить на время голод, когда охота становится опасной или временно невозможной. В этот момент имфирион вспыхивает мощнее. А после... после каждый уходит по своей тропе. Если конечно, случайно не появляется потомство. Только из-за этого наверное мы еще не вымерли.

Я слегка поднимаю бровь, показывая, что поняла к чему он клонит.

– Думаешь, стоит попробовать? Ты не первый, кто решил, что охоту можно заменить близостью.

– Почему бы и нет? – отвечает он равнодушно, как будто обсуждает обычную задачу. – После такого фриалы наполнятся быстрее, да и контроль держать проще.

Я делаю шаг и вдруг земля буквально уходит из-под ног. Петля захлестывает лодыжку, больно режет кожу, меня подкидывает вверх. Сумка с фриалами срывается, я пытаюсь поймать ее, но ремень скользит между пальцев. Она падает на землю, стекло внутри глухо звенит, и наполненный фриал выкатывается на мох. Все происходит слишком быстро, я только выдыхаю сквозь зубы ругательство и хватаюсь за нож на поясе.

– Вот только этого не хватало... – Ривен выдыхает коротко. – Теперь весь отряд узнает, кто у нас ловушки собирает, а кто в них сам лезет.

Висну вниз головой, иголки с веток сыплются мне в лицо. Злость поднимается почти сразу – отвлеклась, пропустила

простую ловушку.

– Великолепно, – бурчу сквозь зубы, цепляясь пальцами за петлю. Веревка режет сильнее, вырваться сразу не удастся.

Слышу, как где-то в чаще трещат ветки, за ними следуют быстрые шаги и несколько голосов. Между деревьями появляются люди, запах их волнения и азарта чувствуется даже отсюда. Впереди всех мчится массивный рыжий, у него широкие плечи, борода взлохмачена, двигается так, словно ему все нипочем. Сбоку мелькает мальчишка, тоже рыжий, движется он ловчее, сжимая в руках трубку. Замыкает тройку женщина в длинной юбке. Она не высокая и еле поспевает за ними. Ее темные волосы собраны в хвост, но пара прядей выбились и прилипли к влажному от бега лицу.

Мальчишка выскакивает сбоку, ловко подносит трубку к губам и резко выдыхает. Ривен только успевает повернуть голову, пытаясь понять, что происходит, как в следующую секунду меткий дротик вонзается ему в шею.

– Проклятие... – хрипит он, пытаясь сорвать дротик, но пальцы уже не слушаются. Он удерживается на ногах всего пару секунд, после чего оседает на колени и падает в мох.

Темноволосая подходит ко мне, в ее глазах вспыхивает хищный блеск интереса, и я понимаю, что моя беспомощность откровенно радует ее.

– Вот и поймали тебя, эрида, – произносит она с тихой усмешкой.

Я срываюсь, размахиваю ножом, но мужчина хватает ме-

ня за запястье, вырывая клинок из пальцев. Женщина сразу перехватывает меня за плечо, не давая вырваться.

– Успокойся.

– Лучше убейте меня, – бросаю ей прямо в лицо.

– Не спеши с такими просьбами. Ты нам живая нужнее.

Я не успеваю даже подумать, как острый укол пронзает шею. Все внутри тут же становится вялым, мысли растягиваются, тело не слушается. Пытаюсь ударить, но руки уже тяжелые, не поднимаются.

– Тише, тише, – слышу у уха, когда еще раз пытаюсь дернуться. – Не рыпайся. Теперь ты наша, эрида.

Меня сбрасывают на землю, чувствую влажную землю под лицом. Где-то рядом лежит Ривен, его лицо расплывается, зрение уходит, все вокруг теряет четкость. Пытаюсь напрячь мышцы, но тело подводит – яд расплзается по венам.

Мимо глаз проносят ботинок, кто-то подхватывает меня под грудь, следует резкий рывок и я оказываюсь перекинутой через плечо. Кость давит в живот, от резкого движения мир плывет, и я уже почти не различаю лиц вокруг.

Последнее, что успеваю уловить – смешок женщины у самого уха:

– Сладких снов, чудовище.

Глава 5

– Просыпайся, эрида, хватит спать, – грубый голос пробивается сквозь туман в голове. Потом по щеке прилетает короткий, звонкий шлепок.

Открываю глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд, но все плывет, солнечный свет бьет в лицо. Надо мной наклоняется лицо рыжего.

– Слышишь меня? – он трясет меня за плечо. – Проснулась? Отлично.

Собираюсь двинуть рукой, но замечаю цепи на запястьях, холод металла впивается в кожу.

Нет. Это сон. Сон ведь? Не может быть, чтобы люди поймали меня, заковали в цепи...

Сквозь мутный свет различаю каменную дорогу перед собой, она тянется из леса к огромной крепостной стене. Между башнями расположены массивные деревянные ворота, в центре которых вырезан дракон с распахнутыми крыльями, его пасть раскрыта так широко, что кажется, он готов проглотить любого, кто решит войти без приглашения.

Веларрон. Меня притащили в этот проклятый Веларрон... Смешно, не думала, что увижу его так близко. Всю жизнь обходила его стороной, считала, что только дурак сам сунется сюда. И вот, я здесь.

Голова все еще тяжелая, мысли словно завязли в тумане.

Вспоминаю, как меня тащили через лес, болота, короткие стоянки у реки. Стоило прийти в себя, как мальчишка с иглой делал укол и жидкость обжигала плечо, тело моментально становилось ватным, даже попытки разозлиться куда-то тонули. На третьем уколе я перестала понимать, где день, где ночь.

Рыжий резко хватает меня под локоть, дергает, и ставит на ноги. Боль отзывается в плече, колени сгибаются сами по себе. Сглатываю раздражение, не позволяя себе пошатнуться.

Сбоку появляется женщина. Она морщит лоб, смотря на меня с явным раздражением.

– Поторопись, Айвен, – командует она рыжему. – Только проверь цепи как следует, слышишь? Не как в прошлый раз.

– Да сделаю, Мира, – отвечает рыжий, отмахиваясь от нее. – Я помню, как тот зверь едва не вырвался, теперь два раза смотрю. Кей, иди сюда!

Мальчишка тут же выбегает из-за спины. Он, видно, нервничает, бегло осматривает замки, щелкая по кольцам – пальцы у него быстрые, но слегка дрожат. Раздается звон стали, цепи на запястьях и щиколотках натягиваются сильнее.

– Готово, – вскрикивает он, отступая в сторону.

Айвен проверяет еще раз на всякий случай, дергает за цепь, смотря мне в глаза. Ожидает, наверное, что я сейчас рванусь или заорю, но я просто стою.

– Кей! Шляпу не забудь, – напоминает Мира. – Будешь отвечать за сбор с тех, кто глазеть будет, понял? И чтобы ни

одной серебряной монеты не прошло мимо!

Мальчишка не спорит, только кивает и шмыгая носом, отводит взгляд.

Рыжий перехватывает цепь на запястьях и тянет вперед. Я делаю первый шаг, металл тут же звякает о камни. За спиной женщина коротко толкает палкой в спину.

Вот и все. Дожила, Селина. Так легко попалась людям. Охотилась на них полжизни, считала себя осторожной, и вот теперь шагаю за ними словно зверушка.

Краем глаза ищу Ривена, но его нигде не видно. Может, остался в лесу, а может... нет, не сейчас. Тревога внутри медленно разгорается, но отравы еще держит мысли в тумане.

Перед воротами уже ждет стража. На груди у них герб Беларрона, тот самый дракон, что теперь встречается мне с каждой стены. Айвен тянет меня к ним, достает пару серебряных монет, протягивает стражнику. Тот берет их быстро, даже не считает, просто бросает на меня холодный взгляд и отводит засов. Ворота распахиваются с тяжелым гулом. Я шагаю вперед, ощущаю, как Айвен дергает меня за цепь, а Мира нетерпеливо подгоняет в спину.

Беларрон сразу открывается передо мной со своими широкими улицами из серого камня, высокими домами, балконами с коваными решетками и рядами лавок внизу. Торговцы выкладывают рыбу, хлеб, ткани, связки сушеных трав. Воздух наполняют звон молота, смех, крики, но как только цепи звякают на всю улицу, люди тут же оборачиваются.

– Смотрите, эриду ведут! Настоящую! – орет кто-то из толпы, вытягиваясь, чтобы рассмотреть.

– Демон бессердечная! – слышу другой голос, который явно настроен агрессивно.

Меня тащат по мостовой, цепи не просто звенят, они гремят так, что слышно, наверное, в каждом доме. Люди сбегаются, кто-то смотрит с ненавистью, кто-то с опаской, но все жадно ловят мой взгляд.

Я выпрямляюсь, позволяя спине оставаться прямой, подбородок приподнимаю выше, чем нужно. Пусть ищут в моем лице страх, а находят только безразличие. Слабость – последнее, что я позволю себе выдать этим людям.

– Эрида! Покажи глаза! – мальчишка прыгает в стороне, отчаянно пытаюсь разглядеть меня из-за чьих-то спин.

– Хладоносец! – подхватывает женщина с испачканным сажей лицом.

– Серебряный за взгляд чудовища! – выкрикивает Кей, поднимая шляпу и вертя ее над головой. – Серебряный за взгляд! Не зевай, народ!

Толпа сразу начинает сыпать монетами, звон серебра перемешивается с выкриками.

В меня летят грязные тряпки, корки хлеба, даже гнилой помидор, от него я отшатываюсь, и липкая кожура размазывается по чьей-то рубашке позади. Айвен резко подтягивает меня к себе, не давая толпе дотянуться, но люди все равно лезут со всех сторон. Эмоций слишком много, словно меня

бросили в кипящую реку криков, интереса и пьяного восторга. Мир гудит, шумит, бьет в виски – я хочу зажать уши, сбежать из этого роя. Неужели все пропавшие в лесу эриды прошли через это? Их так же волокли по улицам, выставляя напоказ, будто диковину, ради зрелища и горстки монет?

Меня охватывает раздражение. Жалкие люди. Они называют нас чудовищами, бессердечными, а сами толпятся вокруг, кидают грязь, хватают за цепи, как за поводок. Им нужна возможность почувствовать себя сильнее, унижить, забрать последнюю тень достоинства. Если это их человеческая справедливость, я предпочту свою гордость их шумному стаду.

Городские улицы бесконечно тянутся, шум толпы сливается в однотонный гул, крики не стихают. Кто-то орет прямо в ухо, требуя повернуть голову, чтобы увидеть мои глаза, кто-то толкает, пробуя дотянуться до цепей. Дети визжат: «покажи зубы, покажи клыки!» Глупая ребятня, я эрида, а не зверь из ваших ночных сказок.

В какой-то момент кажется, что я иду так уже вечность, как вдруг охотники сворачивают за угол и я вижу впереди площадь. Она вспыхивает новым шумом, словно все, что было до этого, только преддверие большого представления. Я делаю несколько шагов и понимаю, что меня ведут к центру, к каменному столбу со следами ржавых цепей и высохшей лужей крови под ним. Я не хочу представлять, что будет происходить дальше. Можно было бы попытаться вырваться, со-

противляться, но я понимаю, на сколько глупым будет этот жест. Толпа разорвет меня на куски. Если уж умирать, то достойно, не дав этим людям насладиться зрелищем.

Сжимаю зубы, смотрю прямо, не позволяя себе дрогнуть. Рыжий разворачивает меня спиной к столбу, обводит цепь вокруг груди, защелкивает на шее и запястьях. Потом он поворачивается к толпе, поднимая руки, чтобы все его видели.

– Ну что, народ Веларрона! Кто хочет проверить, есть ли у этого чудовища сердце? Подходите, платите, слушайте! Не бойтесь, цепи крепкие. – Он ухмыляется, поднимая монету к небу. – Кто первый?

– Не подходите к ней! – выкрикивает мужчина из задних рядов. – Кто услышит, как сердце эриды бьется, тот умрет! Все так говорят! От нее одно проклятье!

– У эридов нет сердца, идиот, – резко отвечает женщина впереди, бросая на него взгляд через плечо, смеясь над его суеверием. – Пусто у них внутри, что ты выдумываешь?

Рядом кто-то кивает, кто-то отшатывается. Воздух становится плотнее, по толпе пробегает короткий, нервный смешок. Я замечаю, как несколько человек отступают, но большинство наоборот подходят ближе, толкаясь локтями, чтобы получше разглядеть чудовище, которому они приписали столько страхов.

Из толпы отделяется молодая женщина, щеки у нее румяные, губы сжаты, глаза напряженные. Она делает шаг и замирает прямо передо мной, прислоняя ухо к моей груди.

– Не бьется...

– Я же говорила! Бессердечная!

Монеты падают в шляпу, Кей собирает их, не поднимая головы.

– Дальше! Кто смелее? – бросает он в толпу.

Шум растет, очередь не уменьшается, и каждый раз слышу одно и то же:

– Не бьется.

– Нет сердца...

– Мертвая!

Я стою, позволяя им трогать себя, позволяя слушать мою грудную клетку, и не моргаю ни разу. Все, что у меня остается в этот момент – это прямая спина и равнодушное лицо.

– Пусто, – хрипит очередной мужчина, резко отступая, будто только что коснулся смерти. Его ладонь дрожит, когда он быстро вытирает ее о плащ, избегая моего взгляда.

Сколько раз они будут убеждаться в одном и том же, прежде чем поверят, что сердце у меня действительно не бьется?

– Видите?! – выкрикивает Айвен, сверкая глазами, – Нет у нее сердца и не будет! Такие, как она, живут за счет чужой боли!

Толпа шумит, волнуется, бросая еще монеты. Кто-то начинает скандировать:

– Казнить! Казнить!

Хочется закратить глаза от предсказуемости человеческих

ритуалов. Вот так, значит, и выглядел конец для тех, кого ловили до меня. Публичное унижение, азарт толпы, выкрики, деньги на потеху. Казнить, чтобы не бояться ночью. Казнить, чтобы рассказать детям, что чудовище больше не придет.

Два палача выходят из-за спины, их лица скрыты глубокими синими капюшонами, в руках у каждого костяные крюки, отполированные до матового блеска. Я не успеваю толком вдохнуть, как один из них уже прижимает крюк к моему животу, ища место между ребрами.

Я стискиваю челюсти, не даю себе выдать ни звука, даже когда крюк входит под кожу, разрывая ткани. Дышу часто, через зубы.

Рука второго палача ложится мне на плечо, крюк скользит по коже и в следующую секунду входит внутрь, немного ниже первого, цепляясь за кость. Кровь тут же струится по животу, впитываясь в ткань. Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Не прощу себе, если закричу сейчас.

Рыжий поднимает руку, и толпа замолкает.

– Народ Веларрона! Сегодня вы увидите, как умирает та, кто много лет питалась вашим страхом. Сегодня конец для чудовища, которое вызывало ужас в ваших семьях!

Палачи берутся за ручки в ожидании. Все готово, чтобы разорвать, чтобы не осталось сомнений, чтобы все увидели, что у эриды нет сердца. Как же они ошибаются...

И вдруг площадь рассекает глухой удар копыт, такой чет-

кий, что хочется заткнуть уши. Палачи замирают и несколько секунд никто не двигается.

Я смотрю, как сквозь толпу, на черном жеребце выходит всадник. Всматриваюсь в его лицо, и все внутри сжимается от узнавания. Тот самый человек. Тот самый взгляд прожигающий насквозь. Он сгусток ночи на фоне светлой площади – непреклонный, невозмутимо спокойный. Каштановые волосы, аккуратно уложены, открывая лоб и строгую линию бровей. Скулы резкие, подбородок уверенный, губы сжаты в тонкую линию. Черные, матовые доспехи облегают фигуру, повторяя силуэт – на груди выгравирован дракон с крыльями охватывающий весь торс. В его неподвижности и сдержанности есть сила, от которой толпа сама собой отступает.

Охотники делают шаг к краю площади уже без прежней бравады. Вся их троица уходит в сторону, почти бегом, растворяясь среди людей.

– Принц Каин... – прокатывается глухо по рядам.

– Сам наследник.

Он соскальзывает с седла, и идет твердым шагом в мою сторону, а его длинный плащ скользит по камню. Принц подходит почти вплотную, так близко, что я чувствую его дыхание. Сквозь боль, делаю короткий вдох, надеясь уловить в нем хоть намек на эмоцию, но от него не тянет ничем. Внутри этого человека тишина и это сбивает с толку.

– Забавно. Ты смеешь держать этот взгляд. Даже сейчас, когда тебя уже записали в мертвые. Даже сейчас, когда вся

эта толпа жаждет крови, ты стоишь, будто тебя это не касается. Эрида.

Его взгляд опускается ниже, к месту, где костяные крюки впиваются мне в живот, скребясь между ребрами. Даже слабый вдох заставляет их шевелиться внутри. Он смотрит внимательно, изучая не мое тело, а пределы моей выносливости. Проверяет, сколько я еще смогу продержаться в этом положении.

Толпа напрягается, каждый ждет, что вот сейчас, вот еще немного, и эта эрида не выдержит, закричит. Но я держусь. Просто дышу поверхностно, чтобы не дать боли прорваться наружу.

– Интересно, сколько ты выдержишь, – принц наклоняется ближе, чтобы никто не услышал, – или ты уже привыкла к боли настолько, что даже смерть кажется тебе скучной?

– А ты хочешь, чтобы я умоляла тебя о пощаде? Ждешь крика, хочешь увидеть, как я теряю самообладание и вою от боли?

Он поворачивает голову к толпе, на мгновение вижу его профиль, резкие черты, темные глаза, в которых нет сочувствия.

– Мне не нужно видеть, как ты кричишь, – говорит он громче. – Я хочу понять, что ты чувствуешь, когда понимаешь, что ты скованна цепями, в твоём теле крюки, а от смерти тебя отделяет один мой приказ?

Он снова смотрит мне прямо в глаза, явно ожидая, что я сорвусь, что в голосе появится намек на уязвимость.

– Ты хочешь узнать, что у меня внутри, но я тоже хочу понять, принц. Почему я не могу услышать твои эмоции, будто тебя здесь нет совсем?

– И это тебя раздражает?

– Нет, не раздражает. Скорее настораживает. Я привыкла чувствовать людей. Ты же для меня, как пустое место.

Я склоняю голову, разглядывая его так же внимательно, как он меня.

– Может, ты особенный, а может, просто хорошо скрываешь то, что у других всегда на виду.

– Значит, ты хочешь меня прочесть? Тебе интересно, что у меня внутри?

– Мне все равно, что у тебя внутри. Просто странно не чувствовать рядом никого. Даже врага. Особенно врага.

Каин приподнимает бровь, в его лице появляется едва заметная тень усмешки, скорее усталой, чем ироничной.

– Ты ошибаешься, эрида. Я не враг тебе.

Он выпрямляется, бросая короткий взгляд на палачей.

– Освободите ее.

Палачи переглядываются, но спорить не решаются. Крюки выходят из моего тела, оставляя за собой алую полосу.

Принц снова смотрит на меня, теперь дольше, чем нужно,

ожидая моей реакции на этот неожиданный поворот.

– Как благородно, – бросаю ему. – Только благодарить тебя я не буду, человеческий принц. Это не то спасение, за которое кто-то скажет спасибо.

Каин наклоняется, так близко, что я чувствую холод металла на его доспехах и что-то острое во взгляде.

– Ты все еще не поняла, я не враг тебе, но и не твой спаситель. Теперь ты принадлежишь мне, эрида. Не перепутай милость с необходимостью. Ты жива, пока нужна мне.

Он скользит взглядом по моему лицу, задерживаясь на губах, а потом резко отступает, словно только что выдернул себя из какого-то наваждения.

– Уведите ее. Эта эрида теперь моя ответственность, – приказывает он стражам, уже разворачиваясь и направляясь к своему коню.

Стражники сразу снимают с меня цепи. Не успеваю сделать шаг сама, как они уже подхватывают под локти, и рывком тащат вперед.

– Быстрее, эрида, – рывкает один из них. – И не вздумай падать. Его Высочеству не нужны лишние проблемы.

Быстрее? У меня дыра в животе, я держусь только на упрямстве и злости, каждый шаг дается с трудом. Слежу взглядом за принцем, смотрю, как он легко запрыгивает в седло, как толпа расступается перед ним с уважением и страхом. Он вытащил меня из рук палачей не чтобы спасти, а чтобы решить мою судьбу по-своему. И, возможно, на пло-

щади было бы проще.

Стражник сильнее сжимает мою руку, предупреждая, чтобы я не вздумала даже моргнуть не так.

А я смотрю в спину принца.

Принц...

Значит, тот всадник в лесу был из королевской семьи. Не просто охотник, не просто воин. Наследник.

Сын короля.

Замок Веларрона возвышается над городом, словно каменная цитадель, лишенная украшений. Высокие стены, суровые башни, на главных воротах выбит тот же дракон, что встречал меня у городских стен. Я задерживаю взгляд на этом символе. Для них дракон – не только страх, но и власть, предупреждение всем: «Я не боюсь чудовищ. Я сам ими управляю». И пока на воротах вырезан этот знак, они верят, что никто не пройдет в замок, если не поклонился их силе.

Стражники распахивают ворота и мы проходим внутрь. Двор шире, чем кажется снаружи, мостовая чистая, ни пыли, ни мусора, только следы копыт, да отполированные камни. По периметру двора тянутся галереи, тяжелые двери ведут

вглубь, между ними в тени стоят вооруженные стражники. Они не обращают на меня внимания, их взгляд скользит мимо, словно таких, как я, тут видели уже не раз.

Непонятно, для чего принц привел меня сюда. Ясно только одно, что сбежать из этого места не получится. Даже если бы не было этой раны, даже если бы с меня сняли цепи, из этого двора не выйти. Охраны слишком много.

Меня волокут по тропе к небольшому деревянному дому, который прячется в глубине сада, в тени деревьев, словно специально выстроен для тех, кого нельзя держать на виду. Внутри темно и тесно. Все пространство заставлено грубыми шкурами, на стенах висят высушенные черепа волков, кабанов и оленей. Хозяин этого дома явно собрал здесь все доказательства чужих страданий. Стол у стены заляпан засохшей бурой жидкостью, а в углу стоит низкое железное кресло, к которому меня подводят стражники.

– Садись, – кивает один, второй тянет за локоть, и в следующий миг я оказываюсь на этом холодном, выкованном для пыток «троне».

Руки запирают в металлические кольца на подлокотниках. Ноги стягивают кожаными ремнями, чтобы я не могла вырваться или даже дернуться. Я стискиваю зубы, не позволяя себе ни стонать, ни проклинать вслух. Боль под ребрами заставляет меня почти не дышать.

В комнате становится теснее, когда в дверях появляется Каин. Он подходит ближе, задевая плащом медвежью шкуру

у порога, останавливается напротив, быстро оглядывая все вокруг: кресло, бурые пятна на полу, стражников, что стоят слишком близко.

– Выйдите, – приказывает он.

Стражники переглядываются, но спорить не решаются. Как только дверь за ними закрывается, Каин подходит ближе, становясь сбоку и, склонившись, касается окровавленной ткани моей брони и не задавая вопросов, просто начинает снимать ремни на корсете. Кожа доспеха трещит, стягивается, одна пряжка срывается с хрустом, вторую он перерезает ножом. Холодный воздух касается кожи, рана тут же начинает тянуть сильнее.

– Терпи, – бросает он коротко.

Я замечаю, что пальцы у него сильные, но касается он осторожно, стараясь не причинить большей боли, чем уже есть. Слышу, как он шепчет себе что-то под нос, наверное, считает, сколько понадобится нитей, потом резко выпрямляется, идет к столу, и открывает ящик. Он находит чистые тряпки, пузырек с прозрачной жидкостью, металлическую чашу, тонкую иглу. Окунает лоскут в раствор, выжимает и возвращается ко мне.

Я задерживаю дыхание, когда он касается раны мокрой тканью. Щиплет сильно, но я только стискиваю челюсти до скрежета, не давая себе застонать. Он методично вытирает кровь, все делает спокойно, будто лечит не врага, а соратника после драки.

– Никогда бы не подумала, что принц Веларрона возьмется латать чужие раны, – усмехаюсь, не отводя взгляда от его лица.

– Не обольщайся, эрида, – отрезает он. – Живая ты мне пока нужнее, чем мертвая. Можешь считать это необходимостью. Не жди особой мягкости, если бы был другой выбор, я бы даже пальцем тебя не тронул, но у меня нет времени искать тебе замену.

Он откидывает окровавленную тряпку на стол, берет иглу, задерживая ее между пальцами, потом подносит к язычку свечи. Смотрит, как сталь становится золотистой, держит ровно столько, чтобы нагреть, потом быстро протирает спиртом.

– И ради чего ты собираешься держать меня здесь? Какая в этом необходимость?

– Причины тебя не утешат, а правду я все равно не скажу.

Он наклоняется ближе, ловко и быстро делает первый стежок. Кожа туго стягивается под нитью. Его взгляд скользит по моей руке, проверяя дрожу ли я от боли. Я не дрожу. Но внутри все напряжено до предела. Не хватало еще потерять сознание перед ним – пусть считает меня хоть упрямой, хоть безрассудной, но не слабой. Я не должна отключиться. Ни сейчас, ни здесь. Щека судорожно дергается, только бы он не заметил, как сильно мне плохо.

– Все, что я могу сказать тебе сейчас – ближайшее время будет не самым приятным в твоей жизни. Привыкай к ново-

му порядку.

Оно уже не приятно. Хочется пнуть его ногой, но ремни держат крепко, не дают даже толком вдохнуть, не то что двинуться. Я вжимаюсь в жесткую спинку кресла, стараясь не смотреть на его руки, не думать о том, что он делает, но взгляд все равно опускается вниз. Я слежу, как он вытаскивает иглу, быстро затягивает узел. Молча проверяет, не появилась ли новая кровь, потом берет длинный узкий лоскут ткани, и проводит один конец за моей спиной. Наблюдаю, как он осторожно затягивает повязку вокруг моего живота, укладывает каждый виток ровно, без складок.

Принц наклоняется так близко, что я могу разглядеть след усталости под его глазами, легкую щетину, морщину между бровей. От него пахнет чистой кожей, и металлом, а на пальцах ощущается терпкий запах крови.

– Не пытайся выбраться и сопротивляться, – предупреждает он, затягивая повязку туже. – Ты привыкла питаться страхом людей, но в этом доме никто не станет тебя бояться. Если ты ищешь, на что опереться – напрасно. Здесь, для тебя нет ничего, кроме моей воли и моего порядка. И тебе придется жить по этим правилам, хочешь ты этого или нет.

Он затягивает последний виток, аккуратно прячет концы под слоем ткани и не сразу отходит, задерживает взгляд, словно ждет, поняла ли я, или ему придется повторить.

– Можешь хоть каждый день напоминать мне о своей власти, но если думаешь, что я приму твои правила, ты ошиба-

ешься.

– Осмотрись, эрида, – бросает он резко. – Посмотри, где ты находишься. Это не твой лес, не твои скалы, не твоя охота.

Я поднимаю голову, заставляю себя разглядеть обстановку. Деревянные стены увешаны шкурами, черепа и головы зверей смотрят пустыми глазницами. На полу темное пятно, старая кровь вьелась в дерево. Даже время не смогло стереть ее, она отпечаталась, как напоминание, что даже пол под ногами хранит следы чужих расправ.

– Если думаешь, что ты выше этого, – принц кивает на черепа, – ошибаешься. Здесь ты такая же, как и эти звери. Разница только в том, что у тебя еще есть возможность дышать и говорить.

– И ради чего все это? Чтобы доказать себе, что ты хищнее меня? Что можешь сломать эриду, сделать из нее трофей для своей коллекции? – Я поворачиваю голову вбок и приподнимаю уголки губ, позволяя холодной усмешке скользнуть по лицу. – Или все проще, принц? Ты действительно веришь в старые сказки? В слезу эриды? Думаешь, что если достаточно надавить, я подарю тебе чудо и рассыплюсь в слезах, как это описывают твои летописцы?

Я качаю головой, смотря прямо ему в глаза.

– Придется тебя разочаровать. Я не умею плакать. Ни как человек, ни как чудовище из ваших легенд. Все, что ты получишь – мое равнодушие. И ни капли слез.

Он слушает, не перебивая, только на секунду задерживает

взгляд на моей шее, проверяя, осталась ли там уязвимость, на которую можно надавить.

– Посмотрим, эрида, – произносит он наконец, – кто первый сдастся. Ты или твой холод.

Он отходит на шаг, бросая взгляд на дверь. Чувствую его спину, даже когда он выходит из комнаты и оставляет меня одну, в этой темной клетке, среди его трофеев и запаха старой крови.

Я остаюсь наедине с этим «инвентарем» и отмечаю: все, что есть в этом доме, уже проиграло свою битву. Я – нет.

Глава 6

Ривен

Осматриваюсь вокруг. Ночь давит, туман клубиться между деревьев, где-то за ветками мелькают обрывки их следов – примятая трава, сломанная ветка, еще один фриал, раскатанный по земле. Они торопились, волокли ее, как добычу. Думают, раз меня усыпили, я не поднимусь и не пойду по их следу? Наивные.

Поднимаю нож, с трудом вкладываю его обратно в ножны. Медленно вдыхаю, вслушиваюсь в лес. Следы ведут вниз, к старой просеке, там, где тропа выходит к разломанному мосту, а дальше дорога только в сторону Веларрона. Ну, конечно. Куда же еще. Именно туда, где начинается территория, за которую Эзар Дарр лично обещал сбросить любого в ледяное озеро. Пересекать границу одному, без дозволения...

Почти смеюсь в темноте. Уж очень удачно для ловцов и очень плохо для меня.

Стою, смотрю на просеку, где их следы разбивают мох, перебираю в голове варианты, один хуже другого. Вернуться без нее? Рассказать, что меня усыпили, что я потерял напарницу, что позволил утащить людям самую важную охотницу Верховного?

Я не слишком близок с Селиной, но достаточно хорошо знаю, как близко Эзар Дарр к ней... близко настолько, что

никто не рискует даже смотреть в ее сторону лишней раз, чтобы потом не жалеть о своих глазах. Но одно я знаю точно, если вернусь без нее – он мне шею свернет. Не станет разбираться, был ли яд, сколько их было, и что я вообще мог сделать против людей. В его глазах я обязан был не вырубаться, не валяться в грязи, не терять напарницу. Да и не только в его глазах.

Мы с Селиной всегда были на ножах, не потому что враги – просто она упрямая, а я всегда считал своим делом задевать ее. С детства мы соперничали на тренировках, кто первым поднимется на стену, кто дольше выдержит в бою без отдыха. Эта эрида никогда не давала мне чувствовать себя сильнее, ни на миг. Даже когда валялась на земле в крови, могла глянуть так, что все твои победы тут же обесценивались. Иногда казалось, что кроме вечных споров у нас ничего и нет.

Долго стою на месте, сжимая рукоять ножа в надежде найти хоть каплю ясности. Нет, возвращаться нельзя.

Я делаю шаг в просеку, по разбитому мху, и в этот момент отступает даже ржавый привкус во рту. Осталась только одна мысль – идти вперед, пока не догоню, не вытащу, или хотя бы не сдохну, пытаюсь.

Глава 7

Селина

Просыпаюсь рывком, втягивая воздух. Подо мной все то же неподвижное и жесткое кресло. Пробую шевельнуть запястьями, оковы держат крепко, ремни на ногах затянуты, но не настолько, чтобы пережать кровотоки. Раны от крюков тянут, боль перекатывается под ребрами. Замираю, начинаю дышать медленно, чтобы не разорвать свежие швы. Знаю, что могла бы снять боль, затянуть рану, просто направив остатки имфириона, как учил Лаэр, но сейчас это слишком рискованно. Неизвестно, когда удастся насытиться в следующий раз. Любая трата – риск остаться в холоде и замерзнуть. Сжимаю пальцы, позволяю боли держать меня в бодрости.

В комнате тихо. Слышу только, как изредка по крыше перебираются птицы или кто-то разговаривает во дворе. Пытаюсь понять, что именно нужно принцу. Ради чего он вытащил меня из-под казни, притащил сюда и теперь держит на замке. Каин смотрел на меня в ожидании чего-то большего, чем просто покорности. В его глазах не было желания мести, но был интерес. Он явно пытался доказать что-то самому себе. Или, может быть, мне. Или всему этому городу.

Я вдыхаю глубже. Пусть даже он действительно хочет увидеть слезу – ничего у него не выйдет. Наивные люди всегда верят в свои сказки. Им кажется, что мы такие же, как они,

раз внешне похожи. Думают, что если человек способен плакать от боли, значит и эрида рано или поздно сдастся, попросит пощады и зальется слезами.

В какой-то момент слышу за дверью шаги. Это не стражник и не принц – другой ритм, другой вес. Дверь скрипит, впуская короткий луч света, и в комнату заходит мужчина. Он худой, спина сутулая, на нем длинная темная мантия, которая тянется почти до пола, рукава узкие. Его пальцы длинные, жилистые, на ладонях заметны пятна и следы ожогов. Лицо вытянутое, все в мелких морщинах, волосы редкие, почти седые. В руках он держит старый потертый чемодан.

– Приветствую, эрида, – бросает он, проходя в комнату и ставя чемодан на стол, – меня зовут Рогнар Мар. Я алхимик при дворе, Его Величества. Думаю, ты уже знаешь, зачем я здесь и что собираюсь делать с тобой?

– Догадываюсь, – отвечаю, усаживаясь удобнее на стуле. – Ты собираешься добыть слезу, и вряд ли переживаешь о том, как именно это произойдет.

Я наклоняю голову, не сводя с него взгляда.

– Ты зря потратишь свое время, глупый алхимик. Ни одна легенда, ни один приказ твоего принца не дадут тебе того, что ты ищешь. Слезы эриды – выдумка. Не верь сказкам, Рогнар Мар, здесь тебе никто не заплачет.

– Я здесь не только по приказу принца, но и по собственному интересу. Слишком многое в вашей природе осталось для меня неясного. Возможно, ты даже не знаешь всего о се-

бе, эрида.

Во мне сразу вспыхивает раздражение. Я отлично знаю свои способности и с радостью сейчас бы применила одну из них на нем. Но нельзя. Даже простая вспышка силы для этого человека будет приглашением копать глубже, изучать, проводить эксперименты. Даже если бы смогла избавиться от него, но на мне оковы. Все рассчитано на контроль, на случай любого моего выпада.

Рогнар откидывает крышку чемодана с той же торжественной медлительностью, с какой открывают древний сундук. Внутри замечаю аккуратные ряды инструментов, узкие ножи с матовыми лезвиями, стеклянные флаконы, стальные зажимы, иглы. Все разложено с педантичной точностью, даже петли чемодана блестят.

– В каждой легенде, – начинает он медленно, точно читает по памяти, – есть зерно истины. Сказка, это не ложь, а искаженная память о том, что было. Люди боятся забыть чудо, и потому передают его от одного к другому, пока чудо не становится страшилкой, а правда – россыпью полуправды и вымысла.

Он откладывает нож, достает длинный стеклянный шприц с толстой иглой, крутит его в пальцах, проверяет ход поршня.

– Вы, эриды, слишком долго кормили этот мир своим молчанием. Слишком много запретов, тайн, притворства. Я намерен докопаться до сути, вытравить эту суть из тебя, лю-

быми способами. Думаешь, я не пытался раньше? Думаешь, мне жалко испачкать руки ради открытия? Нет. Я начну прямо сейчас.

Рогнар опускает шприц в высокий узкий флакон. Внутри густая, бледно-желтая жидкость. Он медленно тянет поршень, и раствор заполняет стекло.

– Красота в том, – продолжает он тихо, – что природа всегда поддается, нужно лишь найти правильный ключ. У кого-то это страх, у кого-то крик, а у вас, эридов... думаю, ключом будет боль.

Он подходит ближе, держит шприц иглой вверх, коротко щелкает по стеклу, чтобы собрать пузырьки.

– Слеза эриды, – произносит он почти с наслаждением, поднося иглу к моему плечу. – Любая цена за одну каплю.

Он резко вонзает иглу под кожу, и жидкость сразу жжет изнутри. Я дергаюсь всем телом, не могу сдержать это движение. Плечо вырывается из-под иглы, но оковы не дают отодвинуться. Боль расходитя по руке, как кислота.

– Что это за дрянь? – вырывается у меня.

Рогнар не торопится отвечать, только склоняет голову, наблюдая за моей реакцией.

– Смесь. Моя собственная. Для человека – несколько часов боли, рвота, лихорадка. Для эриды... – он склоняется ближе, в его глазах появляется блеск исследователя, – ... жидкость прожигает кровь. Делает ее слишком горячей, слишком быстрой. Она начнет выжигать твое тело изнутри.

Боль будет достаточно сильной, чтобы ты попросила меня остановить ее.

Он улыбается, почти по-доброму.

– Но я щедрый человек, эрида, – продолжает он, наклоняясь еще ближе. – Мне не жалко дать тебе антидот. Достаточно только... проронить слезу. Одна капля и все закончится. Боль исчезнет.

Жар в плече быстро разливается по руке, поднимается кшее. Это ощущение мне знакомо. Почти такое же было, когда я не остановилась во время Аль-риэна. Тогда я думала, что имфирион разорвет меня изнутри, особенно когда кровь начала выливаться из глаз.

Поднимаю взгляд на Рогнара. Он стоит немного в стороне от света, наблюдает.

– Сколько таких, как я, уже прошло через твои руки?

– Достаточно, – отвечает он невозмутимо, откладывая шприц на металлический поднос. – Каждый реагировал по-своему. Кто-то терял сознание почти сразу, кто-то бился в ремнях, пока не сдирал кожу. Некоторые умирали прямо в кресле. Но ни один не дал мне того, что нужно. Может, ты станешь первой.

Его взгляд скользит по моему лицу, оценивая каждую мелочь – дыхание, тень возле глаз, напряжение в челюсти. Понятно, что он ждет малейший признак того, что я вот-вот сдамся.

– Значит, остальные так и не проронили слезу? Думаешь,

со мной что-то выйдет?

– Те умирали, прежде чем успевали заплакать. По тебе вижу, что ты крепче. Живучей. Для меня это даже удобнее. Тебе – не особо.

Он подходит ближе, наклоняется так, что я чувствую его влажное, пахнущее травами, дыхание.

– Я буду менять яды, пробовать другие дозы, искать новые способы. И если ты сдохнешь в процессе, это будет лишь побочный результат. Не первая, не последняя. Принц приведет ко мне еще одну. И еще. Пока я не получу то, что нужно.

Он выпрямляется, снова берет шприц.

– Мне все равно, сколько тел сгорит, прежде чем я найду способ достать то, что спрятано под вашим холодом. Так что держись, эрида. Я никуда не тороплюсь.

В этот момент дверь резко открывается и в проеме появляется Каин. Его взгляд сразу цепляется за меня. Вижу, как он оценивает мое состояние, лицо, раны, оковы на руках, каждый сантиметр этой «сцены».

– Принц Безжалостный, – бросаю ему в лицо, голос срысывается от жара в груди. – Пришел насладиться зрелищем? Или проверить, что твой алхимик работает по инструкции?

– Я пришел посмотреть, насколько это действительно работает, – отвечает без эмоций. – И понять, сколько из этого работа алхимика, а сколько твоя показная стойкость.

– Ваше Высочество, реакция идет по схеме. – вступает Рогнар делая полшага вперед, склоняя голову в легком покло-

не. – Десять минут с введения препарата. Она держится, но это вопрос времени.

Каин даже не смотрит на него.

– Вопрос времени для кого? Для нее, чтобы сломаться, или для тебя, чтобы показать мне, как красиво ты работаешь?

– Для результата, Ваше Высочество. Я подбираю дозу и точки, чтобы получить то, что нужно.

Каин наконец поворачивается к алхимику, взгляд прицельный, с тем самым оттенком недовольства, который не требует повышать голос.

– Дозы и точки будешь подбирать на своих кроликах, Мар. Я привел ее сюда не для того, чтобы ты мерился со мной выносливостью пленных. Если я еще раз увижу, что ты убил эриду, прежде чем добыл из нее хоть что-то, ты последуешь за ней в тот же день.

Рогнар выдерживает паузу, но в его глазах на миг что-то вспыхивает.

– Я делаю все возможное, чтобы получить результат. Иногда тело не выдерживает...

– Значит, плохо работаешь, – резко обрывает его Каин. – Мне нужна слеза, а не труп. И если ты снова перепутаешь цель, я найду того, кто сможет работать аккуратно.

Алхимик шурится, но опускает взгляд, признавая за принцем право диктовать условия.

– Услышал, – отвечает он сухо. – Сегодня все под контро-

лем.

Каин переводит взгляд на меня, и в его глазах появляется то холодное внимание, от которого воздух сжимается. Он слегка наклоняется, упираясь ладонью в край кресла, так близко, что я успеваю заметить, как дернулась жилка у него на шее.

– Показная стойкость – вещь красивая, эрида. Но если это все, что у тебя есть, долго она не продержится. Ты думаешь, что сжатые зубы и ровный взгляд твоя броня. Но любая броня ломается, и я хочу понять, что у тебя под ней.

Каин выпрямляется, отходит на полшага, но не сводит с меня глаз.

– Так что решай, эрида. Ты хочешь, чтобы я увидел только эту маску? Или отдашь то, что мне нужно, прежде чем я сорву ее с тебя?

– Забавно. Ты говоришь о маске, но сам в ней живешь. Разница в том, что мою снять нельзя. Она не надета – она моя кожа. Хочешь сорвать ее? Придется содрать вместе с мясом. И, принц, – я делаю акцент на последнем слове, – тебе вряд ли понравится то, что останется. Я не боюсь тебя. Не боюсь боли. Даже если мне придется глотать кровь, даже если придется отдать все, что у меня есть, ты не увидишь моей слабости. И я клянусь, принц Безжалостный, – говорю тише, потому, что голос почти срывается, – если ты когда-нибудь дождешься моей слезы, запомни, что она станет твоим проклятием. Не исцелением, не чудом, а началом того, что раз-

рушит тебя изнутри.

Каин слушает, не перебивая. Его взгляд становится еще темнее, и в нем на миг мелькает что-то похожее на азарт. Он наклоняет голову, смакуя каждое мое слово.

– Тогда, эрида, мне тем более интересно дождаться этого момента.

Он поворачивается к алхимику.

– Не вздумай убить ее, Мар. Она должна остаться целой, как можно дольше.

– Услышал, Ваше Высочество, – Рогнар кивает коротко, но по тому, как он крепче сжимает руки, ясно, приказ ему неприятен.

Каин еще несколько секунд стоит напротив, проверяя, не дрогну ли я сейчас, когда жар в теле стал почти невыносимым. Потом наконец поворачивается и идет к двери.

– Начинаем по новой, – произносит алхимик, склоняясь ближе, и тонкая игла в его пальцах вспыхивает холодным отблеском.

Я выдыхаю, чувствуя, как жар от первого укола еще не ушел, а он уже собирается пустить по венам вторую волну.

Глава 8

Я слышу резкий, человеческий смех, словно кто-то за стеной празднует мою плененность. Ощущаю радость и впервые я ловлю эту эмоцию так ясно. Обычно она ускользает, теряется на фоне тревоги и ожидания опасности. Но сейчас... сейчас она расплзается по воздуху, и, что удивительно, мне безумно хочется попробовать ее на вкус, узнать, почему она такая сильная, почему от нее пульсирует воздух у двери. Пробую вдохнуть глубже, надеясь, что от этого радость станет ближе, но все что остается – пустой, сдавленный отклик внутри. Ничего не дотягивается до голода. Радость не для меня. Ни сегодня, ни завтра.

Прошло три дня. По ощущениям – месяц. Рогнар не терял времени, появлялся по нескольку раз в день, с набором своих инструментов. Я уже перестала считать, сколько раз он заставлял меня открывать рот, вдыхать едкий дым, заглатывать горькие настои, терпеть уколы под кожу. Каждый раз он наблюдал за мной с почти маниакальной жадностью. Иногда вместе с ним приходил Каин. Он стоял в дверях, не приближаясь, только смотрел, словно хотел лично убедиться, что я все еще здесь, все еще не сломалась. Его взгляд не был ни холодным, ни жестоким, а скорее настороженно-выжидательным, как у человека, который следит за ходом опыта, а не за страданиями живого существа. Принц ничего не говорил

Рогнару, а только коротко кивал, одобрял или давал понять, что время вышло, и алхимик должен уходить. Иногда задерживался у порога, разглядывал меня. Я ловила его взгляд и удерживала, не опуская глаз, не позволяя себе даже моргнуть раньше него. В эти мгновения мне казалось, что именно этот немой поединок и есть настоящее испытание. Не боль, не яды, а эта напряженная тишина между нами.

Они уходили и комната снова сужалась до уровня кресла. Боль утихала до ноющей тяжести. Все, что у меня осталось, – сухие губы и слова принца в голове: «Не вздумай убить ее, Мар. Она должна остаться целой, как можно дольше».

Сквозь щелку в окне сочится призрачный лунный свет. Я сжимаю ладонь, снова ощущая легкий треск инея под кожей – остаток сил, которых хватит еще на несколько дней. Может, меньше, если снова попробуют пытаться. Потом холод начнет сковывать тело, дыхание станет короче, иней пойдет к глазам, тогда зрение потускнеет. И все, что останется – ждать, пока не замерзну.

Голоса за стеной обрываются, и сразу становится ясно, что кто-то идет ко мне. Тяжелые шаги быстро отделяются от остальных. Они уверенные, мерные, слишком выверенные для обычного стражника. Не суета охраны, не нервный Рогнар. Так двигается только он.

Дверь открывается. Принц входит один, несет в руках простую жестяную кружку, внутри что-то плещется. Он подходит ближе, останавливается в паре шагов от меня, свет от

лампы пробегает по его черной броне, отражается в глазах, делая их еще темнее.

– Знаю, что вы не едите обычную пищу, но вам же нужна вода?

Вода... тело отзывается сразу. Холод становится ярче, а сухость во рту напоминает, что питье нужно даже мне.

Я поднимаю голову, скалюсь – больше по привычке, чем от настоящей злости.

– Ты решил сыграть в милосердие или это новая форма допроса? Будешь выливать воду на пол, чтобы проверить, как быстро я сломаюсь?

Он смотрит не отрываясь. Ждет реакции? Ждет, что я тресну прямо сейчас? Смешно. Пусть сам попробует прожить три дня на сухом воздухе, под ядами Рогнара, с этой тянущейся болью в животе от крюков.

– Нет, – отвечает спокойно, – я не играю в милосердие. Просто не хочу, чтобы ты умерла раньше времени. Мне не нужны мертвые пленники.

Каин протягивает кружку с такой осторожностью, будто даст яд, а не воду. Я смотрю на его руку, на блеск воды в железе. Он терпеливо ждет, держит кружку перед моим лицом, словно моя потребность в воде еще один пункт в длинном списке его дел.

Я пытаюсь рассчитать, чего он ждет. Если выпью – это победа для него? Если откажусь – проигрыш для меня? Жажда разрывает горло, но я жду, сколько могу. Он не торопится.

Капля воды дрожит на краю кружки.

– Считай, что я принимаю твой подарок, – выдыхаю спокойно, хотя голос все равно срывается на хрип.

Тянусь к воде, но оковы не дают приблизиться. Он вздыхает, то ли устало, то ли раздраженно и сам подносит кружку к моим губам. Пью медленно, сдерживая дрожь, хотя так хочется выхватить у него воду и вылить на себя, чтобы хоть на мгновение смыть с тела всю эту боль, унижение и чужую радость, до которой мне никогда не дотянуться. Все это время принц смотрит на меня внимательно, почти пристально.

Когда он отнимает кружку, ощущаю, как влага растекается по языку, оседает в груди. Непривычно. Его взгляд скользит по комнате, по черепам висящим на стенах, по шкуре медведя лежащей на полу и потом снова останавливается на мне.

– Ты удивительно смотришься на этом фоне. Большинство зверей здесь, когда-то были хищники. Те кого боялись, за кем охотились. А теперь они просто часть комнаты. Ты подходишь сюда, эрида. Даже больше, чем любой из них.

Каин ставит кружку на край стола, проходит мимо кресла и останавливается возле чучела рыси. Он проводит рукой по ее жесткой, блестящей шкуре, несколько секунд его пальцы скользят по изгибу спины, задерживаются у шеи, сжимают ее.

– Ты похожа на этих зверей, – продолжает, не отрывая взгляда от застывшей пасти, – только твоя охота куда чи-

ще, чем у них. Ты не оставляешь крови. Пожалуй, это самое опасное, что есть в таких, как ты. На вид ничего, кроме равнодушия, а внутри, ни капли жалости. Даже эта комната, где столько раз проливали кровь, не может выбить из тебя ни одного крика.

Он наконец отрывается от зверя и медленно проходит мимо стола, шаги приглушает медвежья шкура на полу.

– Я хочу понять, что ты видишь, когда смотришь на этих мертвых зверей. Чувствуешь себя одной из них?

– Нет, – отвечаю тихо, без вызова, – я не вижу себя среди них. Они мертвы, их страх и сила остались только в головах тех, кто их убил. А я... я все еще здесь, и это, похоже, не дает тебе покоя.

– Тем не менее, смею напомнить, что ты не на свободе, эрида. Ты в цепях, – он обходит кресло, оказывается у меня сбоку, его пальцы скользят по прохладному металлу спинки, но до меня так и не дотрагивается. Его напряженная рука замирает рядом, будто он сдерживает желание встряхнуть меня.

– Кто ты теперь, эрида? Не человек, не зверь, не охотник. Просто тело, которое слишком долго смотрело на всех сверху вниз. Ты ведь не думала, что однажды с тобой так поступят?

– Я не трачу время на такие мысли. Может, здесь для тебя я просто тело. Но и для себя я нечто большее, чем твой трофей среди мертвых шкур.

– Больше... Ты хочешь убедить и меня, и себя, что в тебе есть нечто, чего я не способен разглядеть. Ты правда веришь, что отсутствие всего человеческого твоя сила? Ты думаешь, что тебя нельзя ранить, потому что внутри ничего нет?

Он хмурится, задерживает дыхание, собирая внутри себя очередной аргумент. Отсутствие человеческого... Принц повторяет это, как обвинение.

– Ты не знаешь, что такое сожаление. Не знаешь, что такое любовь. Никогда не переживешь тоску, когда потеряешь что-то свое. Не испытываешь благодарности, даже если я дам тебе свободу. Не узнаешь, что такое быть важной для кого-то. Ты не проснешься ночью от того, что скучаешь. Не поймешь, каково это – радоваться мелочам. Все, что в тебе есть, это твоя холодная пустота.

Он бросает каждое слово, ставя невидимые отметки за каждым из чувств, которых мне, по его мнению, не достает.

– Ты не боишься смерти, потому что ничего не держит. Не горюешь, потому что терять тебе нечего. Не радуешься, потому что счастье, не про тебя. Все, что у тебя есть – отсутствие всего, что делает человека живым. Так скажи, эрида, есть ли смысл в том, чтобы бороться, если в тебе нет ничего, ради чего стоило бы жить?

Я ощущаю его слова почти физически, как давление воздуха, как тонкий лед, который пытаются сломать тупым лезвием. В паузах между фразами его взгляд становится все тяжелее, задерживается то на моей руке, затянутой в стальной

обруч, то на багровом пятне на полу.

– На площади ты видела людей, – продолжает он, голос становится ниже, будто он вытаскивает эти образы из собственной памяти. – Слышала, как они кричали, плевались, ждали, когда тебя разорвут на части. Ты думаешь, они ненавидят тебя за то, что ты эрида? Нет. Они ненавидят тебя за то, что ты ставишь себя выше них. За то, что твоя холодная кровь делает тебя глухой к их страху. За то что ты не прошишь пощады и не показываешь слабости, когда тебе ломают кости и вбивают крюки под кожу. За то, что ты – живое напоминание каждому из них, что даже в цепях ты не даешь им почувствовать власть.

Он наклоняется, ладонь ложится мне на плечо, вес руки ощутим, почти давит вниз. Я не отшатываюсь – невозможно, оковы держат крепко.

– Тебя хотели разорвать, чтобы увидеть, что у тебя «внутри». Хотели, чтобы ты заорала, чтобы показала хоть что-то, кроме этого равнодушия. Но ты даже этого не дала им. Не потому что сильная. А потому что думаешь – все еще думаешь, что ты особенная. Эрида. Не человек, не зверь, не трофей.

Он замолкает на пару секунд, давая мне время впитать каждое слово. Рука по-прежнему лежит на плече, тяжелее, чем надо, и я ощущаю это давление куда сильнее, чем боль от недавних швов.

– Хочешь знать правду, эрида? Ты не вершина этой це-

почки. Ты не начало, не конец. Ты ошибка, которую никто не будет вспоминать через день после смерти. Все, что ты значишь, это то, как умираешь молча, в цепях, под аплодисменты тех, кому твоя жизнь, это повод вычеркнуть свой страх.

Он выпрямляется, тень его ложится на мои ноги.

– Когда ты умрешь, – продолжает он медленно, почти шипя, – никто не заплачет о тебе. Ни один человек не опустит голову, не вспомнит твой голос, твой взгляд, потому что твоя смерть станет для них облегчением. Для них ты – угроза, от которой наконец избавились.

Я ловлю его взгляд и не могу понять для чего он так настойчиво выводит передо мной схему моей ничтожности? Он бросает обвинения, надеясь разбить меня ими, как камнями. Но мне не больно.

Лениво смотрю ему в глаза, и ловлю себя на том, что не чувствую ничего, кроме усталого равнодушия.

– А твои сородичи? – Каин снова склоняется ближе. – Среди эридов нет тех, кого будет печалить твоя смерть. Потому что никто из вас не умеет ни сожалеть, ни скорбеть, ни любить. Никто не станет оплакивать тебя, ни здесь, ни там, ни в памяти, ни во сне. Потому, что ты – ничто. Никому не нужная и не любимая.

Принц ставит руки по обе стороны от моих плеч, опирается на спинку кресла так, что я оказываюсь буквально зажата между ним и холодом металла. Он смотрит мне прямо в глаза, и теперь от него веет холодной решимостью и чем-

то опасным, хищным.

– Каково понимать, что ты не нужна никому настолько, чтобы ради тебя кто-то захотел жить? Что ни одна живая душа не вспомнит тебя перед сном? Никто не станет хранить твои вещи или беречь твой запах на одежде. Не сожмет кулаки, не прокричит твое имя? Говори! Каково это – быть никем для всех! КАКОГО ЭТО ЭРИДА!!!

Он почти кричит, голос обжигает, дрожит в воздухе и в моих ушах. Я медленно вдыхаю, позволяю его словам пройти мимо, как потоку воздуха, а не крику. Его слова ищут во мне что-то, чего нет и никогда не было. Каин пытается сломить меня одиночеством, внушить, что я лишняя, и ждет, что я не выдержу, сорвусь под этим натиском. Но внутри меня нет того, за что он мог бы зацепиться.

– Я не жду ни сожаления, ни любви, принц. Ты хочешь знать, каково это? Пусто. Не больно, не страшно. Просто ничего. Никто не заплачет и это единственная честная вещь в этой комнате.

Внутри появляется спокойная, устойчивая сила. Я не защищаюсь и не оправдываюсь – просто принимаю, что меня действительно никто не будет оплакивать, и в этом нет трагедии. Для меня это обычное состояние, не горе.

– Ты злишься, – добавляю тише, – потому что хочешь увидеть во мне то, что есть у вас. Но этого не будет. Мне не знакома ни та боль, которую ты мне навязываешь, ни та надежда, которой ты меня дразнишь. Мне не нужно, чтобы кто-то

помнил мое имя. Я не живу ради чужой памяти. Это просто факт. Тебе этого не понять, и наверное, это правильно.

Каин застывает напротив, напряженно вглядываясь в мое лицо, словно ждет, что вот-вот появится трещина, хотя бы слабый намек на что-то человеческое во мне. Его черные глаза становятся глубже, в них впервые проступает не раздражение и не презрение, а усталость. Я вижу, что этим разговором он сам загнал себя в угол.

– Знаешь... – его голос почти срывается на шепот, – Мне даже жаль тебя.

Он разжимает пальцы на спинке кресла. На миг он борется с собой, затем, одной рукой осторожно прикасается к моему лицу, заставляя поднять взгляд. Он смотрит долго и пристально, силясь увидеть в моих глазах опровержение всему, что только что услышал.

– Потому, что ты никогда не узнаешь, чего лишена. Никогда не почувствуешь, что это такое, когда кто-то выбирает тебя. Когда кто-то смотрит так, словно ты причина, по которой он живет.

Принц качает головой, сдерживая дыхание и позволяя уголкам губ едва заметно дрогнуть.

– А хуже всего, что ты даже не поймешь, что тебе жаль. Ты живешь ради того, чтобы не чувствовать. Ради того, чтобы не быть ни для кого важной. Держишься за этот холод, будто он даст тебе вечность. Но что останется, когда никто не вспомнит ни твое имя, ни твой голос, ни даже твой взгляд?

Я бы не хотел такой жизни. Потому что если тебя никто не ждет, не помнит и не любит, что тогда отличает тебя от стены или этого железа?

– Кажется, ты забыл, принц, кто перед тобой. Я не человек. Мне не понять никогда ваших чувств, как и тебе не понять моих.

Каин задерживает дыхание. Смотрит на меня еще мгновение и наконец, отпускает, делая шаг назад и выпрямляя спину.

– Если это твоя броня, носи ее сколько сможешь. Но напомним, что для тебя есть только два пути, эрида. Я могу держать тебя здесь столько, сколько понадобится. Рогнар будет ломать тебя до тех пор, пока не получит то, ради чего ты здесь. И если ты дашь ему то, что я ищу, ты умрешь в этом доме, на этом кресле, и никто не узнает, была ли в тебе хоть капля того, что отличает тебя от мертвого зверя.

Он сжимает кулак, замедляет дыхание, взгляд становится жестче, холоднее.

– А если нет – я выведу тебя обратно на площадь. И тогда я не стану тебя защищать. Я позволю этим людям сделать все, чего они требовали, все, что они не успели, когда я остановил. Там не будет ни слова, ни суда, ни твоего равнодушия. Там будет только их гнев, только их жажда, только их радость от того, что можно уничтожить того, кто не дает им спать спокойно. Вот твои два выхода, эрида. Здесь, в железе, или там, под их криками. Не думаю, что один из них лучше

другого. Но у тебя нет третьего.

Свет от лампы скользит по его лицу, выхватывает острые скулы, бросает резкую тень на стену, вырезая его силуэт из темноты. На миг его правая рука тянется к кольцу на безымянном пальце – жест едва заметный, но в нем застывает все напряжение разговора.

Ощущаю, как иней проступает на пальцах, под ногтями появляется холодный налет. Онемение растекается от кончиков к ладоням, охватывает запястья, где металл оков впирается глубже. Каин не видит этого инея, не замечает, как лед пробирается выше, стягивает суставы. Принц пытался понять, что у меня внутри. Вглядывался, вытягивал слова, пробовал на прочность каждую границу, надеялся услышать в моих ответах что-то похожее на их, человеческое – страх, жалость, раскаяние, хотя бы намек на чувство, ради которого стоило бы удержать меня в живых. Не вышло.

– Ты так жаждешь этой слезы, но зачем она тебе, принц? Ты болен? Или хочешь бессмертия? Думаешь, эта капля изменит твой мир, даст тебе власть? Или ты веришь, что слеза эриды оживит кого-то, кто для тебя важен?

– Я не верю в бессмертие, если тебе это интересно. – Пальцы его едва заметно сжимаются, костяшки белеют, он явно борется с собой, выбирая между ответом и молчанием. – В моей семье достаточно тех, кто погнался за чудом и сгорел, ничего не получив. Мне не нужен твой дар как украшение в коллекции. Я хочу сохранить то, что еще принадлежит мне.

Он подходит к столу, тянется за кружкой, металл звонко касается дерева, когда он берет ее в ладонь. Несколько секунд стоит, разглядывает темную поверхность, будто в ней можно найти ответ на то, чего не услышал от меня, потом направляется к двери.

– Значит, уйдешь и даже не убедишься, есть ли у меня сердце?

Каин замирает у порога, не оборачивается сразу. Пальцы сжимают кружку так крепко, что по металлу проходит легкий скрип.

– Тебе так важно, чтобы я проверил?

Я склоняю голову, чувствуя, как волосы сползают на плечо.

– А может, ты боишься, принц, – выдыхаю почти беззвучно, цепляясь взглядом за его профиль. – Твой народ говорил, что если кто-то услышит, как бьется сердце эриды, тот умрет. Это ведь не я придумала, многие в Веларроне в это верят. Ты тоже веришь?

Каин остается в проеме, почти сливаясь с сумраком. Его рука с кружкой едва заметно дрожит, потом снова замирает. На мгновение кажется, что он сейчас шагнет вперед, но он только глубже уходит в полумрак, отгораживаясь стеной от меня и от своих мыслей.

– Я не боюсь, эрида. Просто предпочитаю не знать, как звучит то, что нельзя изменить.

– Конечно, – произношу спокойно, не опуская подбород-

ка, взгляд все такой же цепкий. – Проще верить в легенду, чем убедиться, что под ней ничего нет. Проще жить со страхом, чем с собственным разочарованием.

Он не отвечает. Я вижу, как по его спине проходит едва заметная волна напряжения. Его плечи становятся более жесткими, он задерживает дыхание, делает еще шаг в сторону двери, останавливается, будто что-то удерживает, потом резко оборачивается. Взгляд становится острый, упрямый, почти раздраженный.

– Думаешь, мне есть дело до сказок? Ты и сама не знаешь, что у тебя внутри. Может, ищешь ответ во мне, а не в себе? Вскидываю бровь, едва заметно улыбаюсь.

– Я знаю, что во мне – тишина. Пусть тебя это успокоит.

Он сжимает губы, смотрит дольше, чем надо, и в этот миг я почти верю, что он все-таки сделает шаг ко мне, но вместо этого Каин отводит взгляд обратно к двери.

– Живи со своей тишиной, если можешь. Только не жди, что кто-то захочет разделить ее с тобой.

Он остается в проеме еще несколько секунд, борясь с решением внутри себя, затем, почти бесшумно, исчезает за дверью. Лампа качается, отбрасывая тени на бревенчатую стену, в комнате вновь становится тесно.

Слышу, как за дверью замирают шаги, и вдруг – глухой звук. Что-то тяжелое с лязгом ударяется об дверь снаружи. На миг мне кажется, что дом вздрогнул вместе со мной. Я понимаю, что это была кружка, та самая, из которой я пила во-

ду. Это его способ поставить точку. Бросить лишнее прочь, оставить за дверью все, что не вписывается в его внутренний порядок.

Я не шевелюсь. Слушаю, как за стеной замирает этот звук, а вместе с ним и сама ночь.

Глава 9

Каин

Выхожу за дверь, захлопываю ее сильнее, чем нужно. Воздух снаружи сразу кажется другим – прохладным, влажным, пахнет ночью, древесиной и свежим плющом, что тянется по балкам над головой. Пальцы сжимают жестяную кружку, она холодная, слегка погнутая, край вдавился от моей же хватки. Не раздумывая, бросаю ее с размаху об дверь. Металл с глухим лязгом отлетает, звук отдается в бревенчатых стенах. Дыхание вырывается через стиснутые зубы, словно грудная клетка сдавлена ремнями.

Зачем я туда зашел?

Все было ясно с самого начала – поймал, приковал, передал алхимику, пусть выжимает эту слезу. Как и много раз до этого. Я не должен был задерживаться рядом. Не должен был слушать, как она говорит, и тем более смотреть, как она держится в цепях. Никогда раньше не позволял себе вглядываться в пленника дольше, чем нужно, не вникал в их привычки, не выискивал объяснений.

Сжимаю пальцы сильнее. Перед глазами вдруг мелькает то утро в лесу. Первый раз, когда я увидел ее взгляд через туман на мосту. Она была ранена, кровь стекала по пальцам, но эта эрида стояла так, будто не чувствует боли. Невозмутимая, прямая, словно за ее спиной был целый отряд, гото-

вый рвануться вперед по первому слову.

Этот взгляд... эти глаза цвета аметиста. В ней есть что-то такое, что тянет сильнее, чем страх или любопытство. Она не отталкивает, а притягивает так, что невозможно отвести взгляд, даже когда знаешь, что лучше бы отвернуться. Я до последнего не верил. Не бывает такого, чтобы внутри ничего не было. Пытался заставить ее выдать себя, зацепить, вынудить хоть на миг почувствовать. Хотел увидеть в ней ту самую человеческую слабость, привязанность, сожаление, хоть что-то. Но она действительно – лед. И чем дольше я смотрю, тем сильнее понимаю, что этот лед не трескается.

– Принц, ты решил наконец выбить что-то живое из этого дома или просто не в духе? – доносится голос из полутьмы.

Поворачиваю голову на звук. У дальней стены охотничьего дома стоит Теоден, скрестив руки на груди и упершись одним локтем в шершавый брус. Он почти сливается с темным фоном двора, только лицо и русые, слегка волнистые волосы заправленные за уши, ловят серебристый свет луны. На нем черная рубашка, рукава закатаны до локтей, старый ремень с потертой пряжкой перекошен. Все сидит на нем, как всегда чуть небрежно. Широкие плечи, Лицо спокойное, даже ленивое, но в серых глазах та самая выжидательная прямота, из-за которой в детстве я частенько срывался на спор или драку. В его взгляде ни капли стеснения, ни капли почитительности, только честность и невидимый вызов. Но за всем этим я всегда чувствовал, что Теоден единственный по-

настоящему родной мне человек в этом доме, двоюродный брат по матери. Не прямой наследник, но если не останется никого из Эрданов, именно он формально сможет претендовать на трон. Хотя Теоден всегда лишь усмехался и говорил, что корона, мол, ему не по размеру, а настоящая его стихия – лес, битва и риск, а не скучные заседания в зале Совета.

– Не в духе, – отвечаю коротко. – Это у меня теперь новое увлечение, выбивать живое там, где его не должно быть.

Я задерживаю на нем взгляд, и не меняя выражения лица выхожу с крыльца во двор. За спиной раздается скрип деревянного пола – Теоден отлипает от стены и почти сразу догоняет меня.

– Ну так давай я попробую. Может, ей просто другой подход нужен или другой... человек.

– Даже не думай, – пресекаю резко. – К ней никто не пойдет, кроме меня и Рогнара. Не надо ни говорить, ни смотреть на нее, ни прикасаться, без моего разрешения.

– А то, что я вогнал ей стрелу в руку, считается? – Он усмехается краем рта, перехватывая мой взгляд. – Или тогда можно было, пока ты не объявил ее своей собственностью?

– Сейчас – нельзя. Тогда было по-другому. Пусть Рогнар закончит с ней. Впустишь его завтра утром, не раньше. До рассвета в охотничий дом никто не заходит. Ни стража, ни ты.

– Понял, принц, следить за дверью я умею. Только смотри, чтобы твой алхимик не перестарался. Ты знаешь, как быстро

Рогнар забывает про границы, если его никто не держит. Ты уверен, что хочешь довести все до конца именно так?

Я останавливаюсь, перехватываю взглядом его профиль на фоне темного камня замка. Внутри все еще гудит, досада, какая-то тихая злоба. Да, я должен довести до конца. Обязан. Если я хочу добиться своего, то придется получить эту чертову слезу, даже если ради этого придется пройти по краю, который другим и не снился. Но, в этот момент что-то внутри дергает, как игла под ребрами.

Сжимаю кулаки и через силу поворачиваюсь к охотничьему дому. В лунном свете он кажется почти нереальным: тяжелые бревна стены сыреют под плющом, покосившийся навес отбрасывает рваную тень на ступени. В этом доме, среди трофеев, шкур, пустых черепов, всегда пахло железом и мускусом зверя. В нем когда-то радовались удачным охотам, смеялись у камина, спорили и выпивали до рассвета, пока на стенах не появлялись новые головы. Теперь этот дом стал клеткой. Для нее.

– Не хочу, но так надо.

– Это не простая пленница, Каин. Она не человек. И не обычная женщина, к которой можно подступиться как к другим. С ней твои обычные схемы не сработают, как бы ты себя ни уговаривал.

Слова цепляются где-то под кожей, раздражают. Я сам это знаю. Напомнил себе раз десять, пока держал в руке кружку, пока наблюдал, как она пьет. Знаю, что она не похожа ни на

кого. Это напоминание преследует меня с первой встречи, с ее первого взгляда там, по ту сторону моста.

– Просто следи за дверью, – повторяю, наконец отрывая взгляд от дома. – Остальное не твое дело.

– Ладно, будет по-твоему, принц. Но я вообще-то, ждал тебя здесь не ради эриды. Принцесса из Элмора прибыла. Наэль Вайрон. Только что с пристани сообщили.

– Она? Уже? – не скрываю удивления. – Мне докладывали, что она должна была прибыть только через четыре дня.

Теоден коротко кивает, скрещивает руки на груди.

– Она приплыла на новом корабле, что только достраивали. Ее люди говорят, принцесса устроила переполох и требовала, чтобы отплыли немедленно, хоть половина судна еще пахла смолой. Сказала – везите к принцу, все остальное неважно.

Несколько секунд я молчу, пытаюсь сообразить, что стоит за ее поспешностью – каприз, страх остаться без контроля или попытка заставить меня врасплох? Придется менять планы. Как всегда.

– Где она сейчас?

– Уже отдыхает. Принцесса хотела увидаться с тобой сегодня, но я сказал, что ты занят и не появишься раньше утра. Ее разместили в гостевом крыле, охрану приставили у дверей, слуги разнесли воду и полотенца, точно сама королева пожаловала.

– Хорошо, – киваю ему коротко, сцепляя руки за спиной

и ощущая, как постепенно спадает напряжение, – значит, утром встречу. Докладывай, если что-то изменится. С эридой никаких изменений. Ты у двери, Рогнар не появится до рассвета.

– Понял, – отвечает он без прежней усмешки, бросает быстрый взгляд на охотничий дом, будто собирается к бою.

Я разворачиваюсь и шагаю прочь по каменной дорожке. Завтра встреча с Наэль. Если все пойдет по плану – моей будущей женой.

Глава 10

Селина

Просыпаюсь и первая мысль – кто-то слишком близко. Ощущаю теплые и грубые пальцы на запястьях. Металл оков скользит по коже, слышу сухой щелчок. Один, второй.

– Не дергайся, – бросает кто-то у плеча, голос не знакомый, не алхимик, не принц.

Пытаюсь сдвинуться, но тут же чувствую, как к шее прижимают что-то холодное и тяжелое. Ошейник. Замок с лязгом защелкивается, в ключицу тут же упирается цепь. Не хватает только клейма на лбу – удобно, можно не объяснять, кто тут зверь.

– Шевелись, – слышу короткий, неразличимый голос у самого уха. Лиц не вижу, все делают быстро. Придерживают за плечи, и резко сдергивают ремни на ногах.

Не понимаю, что происходит. Может после вчерашнего разговора принц все-таки решил избавиться от меня? Сейчас они выведут меня на площадь, снова приставят к столбу, под крики и сбор серебра для казны. Зачем иначе эти цепи, эта спешка в такую рань?

Сжимаю зубы, позволяя им всадить меня в эту новую форму покорности. Ошейник, цепь, руки сжаты за спиной, и никакой возможности сделать даже шаг в сторону. Хотя разрешаю себе на мгновение представить что, если сейчас рванусь

к выходу? Дернуться всем телом, вывернуть плечо, мгновенный разрыв – один крик, пару секунд свободы, может быть даже уловлю запах крови, если удастся укусить или ударить локтем в нос.

Если бы не цепь...

Понимаю, что стоит рвануться слишком сильно, то металлическое кольцо на шее затянется до щелчка. А дальше последует короткий хруст в позвонках, и все закончится. Один неверный угол и либо свобода, либо смерть в два движения.

Пока ведут к двери, слышу, как по ту сторону топчутся, шаркают сапогами по доскам.

– Принц не давал приказа выводить ее на улицу. Ты что, оглох, Мар?

Голос мужской, низкий, раздражение проступает в каждом слове.

Один из охранников открывает дверь та распаивается резко, в глаза бьет яркий солнечный свет. На пороге спиной ко мне, стоит мужчина, высокий, плечистый, в темной одежде. Он не оборачивается, разговаривает с Рогнаром, чей силуэт топорщится поодаль.

– Я сказал ясно, что приказа не было. Куда ты собираешься ее вести?

– Принц дал мне право действовать по своему усмотрению, – Рогнар отвечает мягко, как всегда, когда готовится перешагнуть через чьи-то границы. – Его единственное условие, чтобы эрида оставалась целой. Все остальное на моей

совести.

– На твоей совести? Тогда сам и отвечать будешь, если что-то пойдет не так.

Рогнар дергает уголком губ, не отводя взгляда.

– Ответственность я беру на себя, Теоден. Доложи Его Высочеству, если считаешь нужным. Мне нечего скрывать. Все, что я делаю с этой эридой для дела, не для забавы.

Так значит, этот мужчина – Теоден и он верный подчиненный принца. Они перебрасываются словами, как будто решают судьбу не живого существа, а мешка с зерном. Каин очевидно запретил выводить меня наружу, держал в охотничьем доме, подальше от чужих глаз. Для него порядок похож на стену между властью и беспорядком, каждый должен знать свое место. Даже я, хоть и вне закона, все равно существую в рамках его правил. Рогнару такие рамки не по нутру. Его волнует только возможность проверить очередную теорию и вряд ли он собирается устроить мне банальную прогулку на свежем воздухе.

– Хорошо, Мар, но я пойду с вами. Принц не любит, когда его приказы толкуют слишком вольно.

Алхимик смотрит на мужчину с явным раздражением, щурится, готовясь возразить, но передумав, резко кивает. Теоден отходит в сторону, уступая дорогу. Я прохожу мимо него, но в последний момент оборачиваюсь, чтобы разглядеть его серые глаза, крепкие плечи, знакомую угловатую челюсть. И вдруг узнаю – это тот второй всадник из леса. Тот,

кто стрелял в меня и задел стрелой руку.

Он дергает уголком рта, ухмыляется, замечая, что я его узнала.

Рогнар нетерпеливо щелкает пальцами, явно раздражаясь, что потратил на спор лишние минуты.

– Не задерживайтесь. Мы идем в мою лабораторию, тебя там ждет кое-что интересное, эрида.

Лаборатория. Значит, очередная выжимка слезы. Смотрю ему в затылок на слипшиеся седые волосы, как у старого волка. Он так спешит, что едва сдерживает улыбку. Эта жадность к слезе – его личная страсть, его азарт, ради которого он пренебрегает приказами, безопасностью, даже страхом перед принцем. Все, что ему нужно, это результат, а что будет потом не имеет значения.

За спиной ощущаю напряженное присутствие Теодена. Он идет в стороне, не сбавляя шага, и не выпуская меня из поля зрения, явно ожидая, что я рванусь и попытаюсь отомстить за ту стрелу. Внутри мелькает почти приятная мысль, что даже скованная, даже уставшая, я все еще держу этих людей в напряжении. Но трезвость приходит быстро, ведь за все это время еще не было ни единого случая хотя бы попытаться бежать. И каждый день, каждый час шанс улизнуть становится меньше. Иней уже ползет от груди к рукам и шее. Его не видно под одеждой, но я чувствую, как тонкая корка покалывает кожу на костяшках пальцев.

Мы поворачиваем за угол, проходим мимо темного ароч-

ного прохода, из него выходит служанка, кажется совсем юная, с тонкой светлой косой. В руках у нее глиняная миска. Она едва не сталкивается с нами нос к носу и замирает. Глаза ее расширяются, когда взгляд цепляется за меня. Девушка несколько секунд стоит неподвижно, дыхание сбивается, щеки бледнеют.

– Эрида! – вдруг выкрикивает она, голос ломкий, взвинченный. – Это чудовище, это... это из-за таких, как она, моя сестра боится в лес ходить! Вы зачем ее привели?! Почему она здесь?!

Слова бьют в грудь. Охранник рядом сжимает цепь сильнее, толкает меня вперед, но служанка вдруг делает шаг вбок, хватая миску обеими руками и с размаху бросает мне в лицо. Все происходит слишком быстро. Из-за цепей я не успеваю ни уклониться, ни прикрыться. Тяжелый кусок глины бьет в голову, во лбу вспыхивает боль, слышится хруст.

Суматоха поднимается сразу. Стражник, стоявший на посту, бросается к служанке. Охранник хватая меня за локоть так, что едва не выворачивает руку, Рогнар рычит сквозь зубы, а Теоден оказывается рядом в одно мгновение.

– Уйди отсюда, – бросает он служанке резко, сжимая ее плечо, – еще раз тронешь пленную, то будешь сама на цепи, поняла? Стража, уберите ее с дороги. Кто позволил ей сюда выйти? Кто за этим двором следит?

Один из стражников начинает оправдываться, другой хватая девушку и пытается увести ее.

– Почему ее не казнили? Зачем держите среди людей?!
– выкрикивает она, вырываясь из рук стражника. Голос ее срывается на крик, по щекам текут слезы, но она не отступает. – Вы все будите прокляты!

Так хочется закатить глаза. Прокляты, конечно, все будут прокляты. Вот уж действительно, что люди навывдумывали о нас за эти столетия... Слушаю ее крик, и внутри поднимается что-то среднее между усталостью и досадой. Надо же жить в мире, где одной моей тени достаточно, чтобы кого-то трясло от страха и ненависти.

На ее вопли сбегается другая прислуга. Кто-то выглядывает из окон, кто-то выходит из-за угла, несколько человек столпились у стены, не решаясь приблизиться.

Теоден подходит ко мне ближе, оценивает ссадину на лбу.
– Стоишь? Держишься? – спрашивает, и только сейчас я понимаю, что отвечать тут не обязательно. В его эмоциях нет ни страха за меня, ни жалости.

Не ожидая ответа, он оборачивается к Рогнару.
– Ты доволен? Это твоя инициатива, Мар! Думал, тут никого не будет на рассвете?

Рогнар шуруется, видно, как ему все происходящее противно, но он не спорит. Стража разгоняет набежавших на крики людей, кто-то оттаскивает служанку в сторону, кто-то пытается перекрыть ей рот, но она все равно вырывается, бросает в мою сторону еще что-то злое.

– Что здесь происходит?

Все движение во дворе замирает. Охрана расступается, служанка мгновенно замолкает. Даже Рогнар выпрямляется, уже собираясь оправдываться.

В проходе, подсвеченном холодным светом, стоит Каин. Его взгляд скользит по всем. Сначала по алхимику, на мгновение задерживается, и этого хватает, чтобы тот опустил голову. Затем коротко кивает Теодену, отмечая его на своем поле. Потом стражники, служанка, все остальные. В конце взгляд останавливается на мне, скользит по цепи у шеи и задерживается на оковах.

– Все – вон, – бросает он ровно. – Стража, вернуться к постам. Слуги, по своим делам, чтоб ни одной лишней души во дворе не было через минуту. Рогнар и Теоден – останьтесь. Остальные ушли. Сейчас же.

Двор начинает пустеть почти мгновенно. Охранники отводят глаза, стараются не встречаться с ним взглядом, служанку тащат к воротам, она уже не сопротивляется, только дрожит, сжимая руки в кулаки. Остается только тяжелое дыхание рядом, цепь у меня на шее и двое мужчин по бокам и один впереди.

– Мар, – обращается принц к алхимику, – объясни мне, почему ты решил действовать без моего разрешения и вывел эриду во двор?

– Ваше Высочество, – выдыхает Рогнар, будто заранее готовил оправдание. – Мне было необходимо подготовить ее к эксперименту. Вы же сами говорили, что главное результат.

Я действовал по ситуации, выбрал время, когда во дворе никого не должно было быть.

– Все твои эксперименты должны проходить в стенах охотничьего дома! Если тебе не хватает места для своих опытов, значит ты не подходишь для этой работы. Решись еще раз вывести ее из дома, полетишь к чертям вместе со своими ядами!

Рогнар нервно щурится, видно, как в нем все клокочет, но перечить не решается.

– Я понял вас, Ваше Высочество. Больше подобных ошибок не будет.

– Уведи эриду обратно в дом, – приказывает он Теодену. – И чтобы до конца дня ни одна живая душа не пересекла этот двор без моего ведома.

Теоден коротко кивает, перехватывает цепь у меня на шее. Рогнар скрипит зубами, явно хочет возразить, но только отступает, опуская руки за спину, и отходит к стене, не желая лишний раз попадаться под взгляд принца. Вся его жажда эксперимента моментально схлопывается, уступая место раздраженной сдержанности.

Каин смотрит на меня дольше, чем надо. В этом взгляде нет прежней холодной отчужденности, а скорее, внимательность, почти беспокойство.

– Уводи, – повторяет он, и Теоден разворачивает меня на пятках, ведет обратно к дому.

За спиной слышу, как Каин тихо говорит что-то Рогнару,

но слов не различаю.

Не знаю, чего принц так напугался, но, к собственному удивлению, я испытываю облегчение, если не от самой ситуации, то хотя бы оттого, что пытки на сегодня, кажется, отменяются. Ну... по крайней мере, не в той форме, какую для меня приготовил алхимик.

В этот раз путь обратно кажется короче. Теоден ведет меня все так же молча, не позволяя замедлить шаг, но не дергает за цепь. По всему периметру двора расставлены стражники в черных доспехах. Они дежурят у всех ворот, вдоль стены, у каждого пролета, даже у сарая и старого колодца. Один кашляет, другой поправляет лямку на плече, третий бросает взгляд на цепь на моей шее и тут же отводит глаза. В голове сразу прокручиваю маршрут: от двери до калитки пятнадцать шагов, потом открытое пространство, за ним стена и пятеро стражников. Это даже не план, а привычка отмечать каждую возможность. Теоден уверенно ведет меня, держа руку наготове, и я понимаю, что стоит мне дернуться, он перехватит цепь в одну секунду.

Десять метров до двери, и я считываю каждое его движение, каждую деталь. Как бы я напала? Пнуть под колено, рвануть вперед, врезаться плечом, чтобы он потерял равновесие. Сорвать из его рук цепь... Я слегка прищуриваюсь, в голове всплывает образ, как он валяется на земле, а я бегу к забору, раскидываю этих стражников, оставляю за спиной цепи, двор, всех их. Но это все только мысль, только внут-

ренный импульс. Тело даже не напрягается.

Теоден открывает дверь, выпускает меня первой, а сам перекрывает проход плечом, закрывая возможность рвануть наружу. Я невольно отмечаю, что он работает, как настоящий охотник. Научен, где и как держать жертву, чтобы не дать ей надежду на отступление.

– Двигайся, – командует коротко, в голосе ни злости, ни сочувствия.

Я вхожу в дом. Тут тише, воздух тягучий, как перед бурей. Только сейчас понимаю, что меня уже никуда не выпустят. Сегодня – нет. И если что-то и изменится, то не снаружи, а внутри этих стен.

Глава 11

Каин

Я иду по коридору так быстро, что почти срываюсь на бег, и каждое мое движение только подчеркивает злость, сдерживаемую внутри. Теоден держится на полшага позади, молчит – понимает, что сейчас любое его слово добавит масла в огонь.

– Если о случившемся, узнает принцесса, – бросаю сквозь стиснутые зубы, не оборачиваясь, – головы полетят. Все, кто был рядом, по одной, в ряд. И тебе, Теоден, достанется первым.

В груди до сих пор гудит злость, за ней проходит раздражение. Как вообще могло прийти в голову тащить пленницу через весь двор на глазах у всех? Едва не устроили представление для кухарок и слуг. Неужели ни у кого не хватило ума сообразить, чем это грозит? Я сжимаю зубы так, что начинает болеть челюсть.

Теоден ускоряет шаг, наклоняя голову по привычке, когда слышит угрозу, но не верит, что я до нее дойду.

– Я предупреждал Рогнара, что нельзя выводить эриду во двор. Но он начал давить, мол, ты сам дал ему свободу действий ради результата.

Резко обрываю шаг, встаю посреди пустого коридора, разворачиваюсь к нему вполборота. Пальцы сжимаются в ку-

лак, сдерживаю желание выбросить гнев кулаком в стену, чтобы не наделать шума на весь замок.

– Для меня главное – порядок. Если еще раз позволишь алхимику действовать без моего разрешения, то лишишься должности командира и встанешь у ворот. Ты понял меня, Теоден? Мне не нужен тот, кто закрывает глаза на беспредел во дворе. Мне нужен человек, который удержит все под контролем, даже если придется самому ломать чужие пальцы ради этого контроля.

Я смотрю ему прямо в лицо, не отводя взгляда, давая понять, что сейчас нет места ни нашему прошлому, ни нашему родству.

Теоден опускает глаза, поджимая губы, но не спорит.

– Понял. Больше этого не повторится, а с Рогнармом я разберусь лично.

– Не с Рогнармом сейчас надо разбираться, – возражаю тише, но жестче. – Ни одна из слуг не должна заикнуться, что я держу во дворе эриду. Наэль не должна знать об этом ни слова. Ни намек, ни слуха, ни шепота в коридорах. Понимаешь ведь, чем это нам грозит?

Теоден поднимает взгляд, морщится, но молчит. Вижу, как внутри него натягивается напряжение. Он все понимает, но ждет, что я скажу вслух.

– Если кто-то узнает, зачем мне эрида, что я ищу, а самое главное для чего, – продолжаю уже почти шепотом, чтобы даже стены не слышали, – это станет открытым приглашени-

ем для всех врагов. Стоит кому-то узнать и все рухнет. Совет, союзники, каждый, кто сидит за столом переговоров, все они ждут нашей слабости. Если всплывет хоть малейший намек, что власть в этом замке держится на иллюзии, Веларрон превратится в падаль для Териона. И тогда они уже не будут ограничиваться диверсиями и поджогами. Они нападут в открытую. Поэтому, – я резко увожу взгляд в сторону, проводя ладонью по лицу, – я не позволю, чтобы какая-то ошибка, какой-то шепот или самовольство Рогнара сорвало крышку с этого котла. Служанку, что поднимала шум, убери с глаз долой. Неважно как, чтобы сегодня же ее нигде не было, чтобы она забыла, кого видела. Всех стражников и остальную прислугу, кто был в тот момент, под страхом казни. Откроют рот и будут висеть у ворот.

Теоден коротко кивает. Вижу по его глазам, что он все понял. Тут не до разговоров про совесть и правила, тут вопрос выживания.

– Сделаю. К вечеру никто ничего не вспомнит. Найду ту девчонку, объясню, как надо себя вести и стражники будут молчать, не переживай. Если надо, то запроу их в казарме до тех пор, пока принцесса не уедет.

Я не отвечаю. Бросаю ему последний взгляд, иду дальше, уже не контролируя шаг. Все, что выстраивал месяцами, в одну минуту готово рассыпаться из-за чьей-то халатности.

Не могу отделаться от ощущения, что контроль уходит из рук, медленно, по капле. Каждый здесь хочет проверить, на-

сколько далеко можно зайти, пока я не остановлю. Даже Теоден привык, что все прощается, что я все равно оставлю его рядом, потому что он сын Нейварда, родного брата моей покойной матери.

Дохожу до дверей зала, замираю. Ладонь прижимаю к груди – будто этим могу унять злость. Не могу позволить себе войти туда злым, не могу показать Наэль ни малейшей трещины. Делаю вдох, жду секунду, чтобы дыхание стало ровным и толкаю двери.

Отец Наэль – король Алерик Вайрон, каждую осень приглашал моего отца на охоту, и я был вынужден следовать за ним. Мне было шестнадцать, когда я впервые встретил Наэль, а ей десять. Тогда она казалась просто ребенком в ярком платье, остроносая, тонкая, всегда с лентой в рыжих кудрявых волосах. Пока остальные дети играли, она упрямо ходила за мной по всему двору, боясь упустить что-то важное. Не отпускала, пока не узнавала, чем Веларрон отличается от Элмора, зачем нужны дозоры, какие законы действуют на границе. Она засыпала меня вопросами про охоту, оружие, почему у нас на гербе дракон, а у них виноградная лоза, почему

мы не носим таких ярких плащей, как у них. Иногда казалось, что она изучала меня, как редкую птицу. Не отводила взгляда, слушала внимательно, ждала честного ответа, даже если ее вопрос глупый.

Я помню, как раздражался на нее за это внимание. Хотел избавиться, уйти, но она шла следом по всем дорожкам и даже на кухню пробиралась за мной. Остальные смеялись, а я только хмурился. Но к концу недели поймал себя на мысли, что я уже сам ищу ее взгляд. Привык к этому ощущению, когда кто-то назойливый ищет моего внимания. С тех пор прошло двенадцать лет, и теперь она не просто любознательная девочка с лентой в волосах. Она женщина, которая привыкла требовать, чтобы с ней считались.

Вхожу в главный зал, выпрямляя плечи. Наэль сидит у высокого окна, локтем опирается на подлокотник кресла. Солнечный свет падает на нее так, что на щеках отчетливо проступают веснушки. Кажется, за эти годы их стало больше, они разбегаются по носу и скулам, собираются у самой линии волос. Лицо у нее открытое, взгляд цепкий, волосы все так же кудрявятся вокруг висков и шеи, а в прядях видна та же темно-синяя лента.

Заметив меня, Наэль плавно поднимается из кресла. Синее шелковое платье обтекает ее фигуру, золотая вышивка на рукавах переливается, манжеты плотно охватывают запястья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.